

с т о л е т о д и н о ч е с т в а

а л ь б е р т о

в а с к е с - ф и г е р о а

18+

ОКЕАН

Океан

Альберто Васкес-Фигероа

Океан

«РИПОЛ Классик»

2013

Васкес-Фигероа А.

Океан / А. Васкес-Фигероа — «РИПОЛ Классик»,
2013 — (Океан)

Опаленный солнцем негостеприимный остров Лансароте был домом для многих поколений отчаянных рыбаков из семьи Пердомо, пока на свет не появилась Айза, наделенная даром укрощать животных, умирять боль и утешать души умерших. Ее таинственная сила стала для жителей Лансароте благословением, а поразительная красота – проклятием. Защищая честь Айзы, брат девушки убивает сына самого влиятельного человека на острове. Слепленный горем отец жаждет крови, и семье Пердомо остается только спастись бегством. Но куда бежать, если вокруг лишь бескрайний Океан?.. «Океан» – первая часть трилогии, непредсказуемой и чарующей, как сама морская стихия. История семьи Пердомо, рассказанная одним из самых популярных в мире испанских авторов, уже покорила сердца миллионов. Теперь омытый штормами мир Альберто Васкеса-Фигероа открывается и для российского читателя.

© Васкес-Фигероа А., 2013

© РИПОЛ Классик, 2013

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

46

Альберто Васкес-Фигероа

Океан

Alberto Vázquez-Figueroa

Océano

© Alberto Vazquez-Figueroa, 1984

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление.
ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2013

* * *

Рассказывали, что единственной женщиной, родившейся на острове Исла-де-Лобос, или Волчьем острове, была Маргарита, дочь смотрителя маяка. Но вскоре после ее появления на свет маяк автоматизировали, и уже больше никто постоянно не жил на этом скалистом клочке суши, горы которого высились, словно часовые, между островами Фуэртевентура и Лансароте, что в архипелаге Канарских островов, напротив пустынного африканского побережья.

Также люди говорили, что Маргариту крестили в Карралехо на борту одного из баркасов, также носившего имя «Исла-де-Лобос». Лодку эту совсем недавно построил старый Езекиель Пердомо, известный островитянам под прозвищем Марадентро¹. Именно он стал крестным отцом маленькой Маргариты, дочери смотрителя маяка, огни которого столь часто помогали ему темной ночью добраться до дому, что уже было и не сосчитать.

Семья Пердомо, или Марадентро, жила в маленьком порту Лансаротеньо, что на берегу Плайя-Бланка, казалось, с первых дней сотворения мира. Поговаривали, что в том порту, раскинувшись как раз напротив большого маяка острова Исла-де-Лобос, живут лучшие и самые отчаянные рыбаки, каких только можно сыскать на свете.

Люди говорили, что беда не приходит одна, а потом рассказывали, что трагедия в семье Марадентро случилась аккурат в ту же самую неделю, когда недалеко от берега Плайя-Бланка погибла женщина. Та самая женщина, которую много лет назад Марадентро везли крестить на своем галете².

И действительно, моя мать, Маргарита Риал, умерла очень молодой, еще в сорок девятом году, прямо на праздник святого Педро, спустя четыре дня после того, как в свете прожекторов маяка Сан-Хуан трое молодых хлыщей-сеньоритос, прибывших из города, впервые увидели Айзу Пердомо, самую младшую в семье Марадентро.

А пришли они поглазеть на нее в Плайя-Бланка потому, что слава о красоте Айзы, дочери Абелая, внучки Езекиеля и сестры Асдрубалая и Себастьяна Пердомо, докатилась не только до «столицы» острова, но даже уже и до соседних островов. Принадлежала она к семье рыбаков, чьи изборожденные тысячами морщин лица еще до рождения девочки огрубели от соленых ветров, а кожа почернела под палящими лучами солнца. И как же не похожа была на них Айза с ее огромными зелеными с чуть заметными золотыми крапинками глазами, тонкими чертами лица и хрупкой, но уже вполне созревшей и оформившейся фигурой девочки-женщины. Но она могла похвастаться не только своими изяществом и утонченной, нездешней красотой. Поговаривали, будто Айза Марадентро обладает удивительным даром привлекать рыб, успокаивать животных и говорить с умершими.

¹ Марадентро – прозвище, образованное от слов mar – море, и adentro – внутри или внутрь. Перевести его можно как Открытое море. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² Галета – тип двухмачтового судна.

Однако до способностей Айзы чужакам, приехавшим на праздник святого Хуана³, не было ровным счетом никакого дела. Они были ослеплены блеском ее глаз и сиянием улыбки, очарованы плавными, преисполненными грации движениями. Они глаз не могли отвести от ее высокой, налитой груди, которая вздымалась и опускалась в такт дыханию. Во всем, что Айза делала, что и как говорила, виделась им затаенная чувственность.

Разгоряченные, как водится, алкоголем, чужаки вскоре начали выражать недовольство, так как красавица еще ни разу не приняла их предложения потанцевать. Да что там танцевать, она даже словом с ними не перекинулась, даже взглядом не одарила!

Беда случилась сразу же по окончании празднества, когда землю окутала крошечная ночная тьма. Доведенные до бешенства холодностью красавицы чужаки подстерегли ее на обочине дороги, что вела к дому Марадентро, и попытались силой заполучить то, чего не удалось добиться уговорами и похвалами. Однако в краях этих они раньше не бывали, потому и знать не могли, что младший брат Айзы всегда провожал ее до самого дома и неизменно ждал, пока она не войдет во двор и калитка за ней не закроется.

Асдрубаль – а именно так звали младшего из братьев, – увидев чужаков, закричал так громко и пронзительно, что даже припозднившиеся гуляки, все еще распевавшие песни у догорающих костров, его услышали. Он же решительно бросился на нападавших и в горячке драки пронзил одного из чужаков ножом, от чего тот умер прямо на месте.

Асдрубалью на тот момент только что исполнилось двадцать два года.

Погибший был еще моложе.

А надо сказать, что несчастный был единственным сыном дона Матиаса Кинтеро, хозяина виноградников из Мосаги и самого влиятельного землевладельца острова. Если же прибавить сюда еще и политическую карьеру Матиаса, и многочисленные награды, полученные им на полях сражений в Толедо, Мадриде и Сарагосе, то становится понятно, что человеком он был для тех мест необыкновенным и наделенным неограниченной властью.

– Прячься! – первое, что сказала Аурелия Пердомо своему сыну, когда в ту же самую ночь установили личность погибшего. – Прячься и не возвращайся, пока не пройдет время и не утихнет боль утраты, так как Матиас вполне способен убить тебя в припадке гнева. А ведь он из тех людей, у кого никто не станет требовать объяснений.

– Но ведь я защищал себя и сестру, мама! – попытался было возразить Асдрубаль. – Ведь он чуть не изнасиловал Айзу! Почему я должен прятаться, словно подлый убийца?

– Время лечит и восстанавливает справедливость. Однако мертвому оно помочь не может, – последовал ответ. – Беги, прячься и не спорь.

Асдрубаль попытался было ответить, но тут в спор вмешался отец, наделенный в доме безграничной властью.

– Делай, что тебе говорит мать, сын... – медленно проговорил он. – Пусть твой брат отвезет тебя на Исла-де-Лобос. Там-то ты и спрячешься. – Он положил на плечо сына огромную и тяжелую, словно набалдашник молота, руку. – Думаю, долго тебе на маяке сидеть не придется. Цивильная гвардия⁴ быстро во всем разберется. Они поймут, что у тебя не было выхода.

– В наши времена Цивильная гвардия этим заниматься не станет, – возразила Аурелия. – Это дело Матиаса Кинтеро, а я сомневаюсь, что он захочет прислушаться к доводам разума.

Уроженка Тенерифе, Аурелия Пердомо приехала на остров Лансароте двадцать шесть лет тому назад, сразу после окончания педагогического училища. Она планировала остаться здесь года на четыре, чтобы подзаработать кое-каких денег и по возвращении поступить на факультет правоведения. Аурелия мечтала продолжить семейную традицию и стать адвокатом, так же как и ее ныне покойный отец.

³ То же, что и день Ивана Купалы.

⁴ Испанская жандармерия.

Поначалу Лансароте ей совсем не понравился, и она даже мысли не допускала о том, что может остаться здесь навсегда. Однако было в этом месте что-то притягательное и таинственное, и очень скоро Аурелия поняла, что магия острова постепенно поработает ее душу. Когда же однажды утром она увидела, как огромный, ростом почти в два метра, мужчина, который, казалось, поднялся прямо из морской пучины, принялся вытаскивать на берег свой баркас, ее планы в корне изменились.

Аурелия Асканио с первого взгляда влюбилась в Абелая Пердомо Марадентро, в этого высокого, сильного, замкнутого и серьезного человека. С тех пор сколько бы ни умоляла ее вернуться донья Кочи – самая родовитая старуха на Тенерифе, – сколько бы ни уговаривали ее подруги, какие бы советы ни давали родственники, все было впустую.

Она навсегда забыла об ученых книгах и вложила свою судьбу прямо в огромные мозолистые руки рыбака, руки, которые, стоило им только нерешительно и нежно прикоснуться к ней, заставляли ее буквально с ума сходить от желания.

Сколько уже лет прошло, но стоило мужу обнять Аурелию, как по телу ее пробежала дрожь наслаждения. Его большое, словно вырезанное из камней острова тело по-прежнему вызывало в ней восторг. И она ничуть не жалела, что променяла адвокатскую практику на жизнь жены простого рыбака, неделями пропадающего в море.

Во время своего вынужденного одиночества Аурелия Асканио воспитывала детей и учила взрослых и малышей острова чтению и письму. В свободное же время она часами бродила по острову, на котором родился ее муж, и с каждым разом он казался ей все более таинственным и прекрасным, пока она не решила, что остров этот – самый прекрасный из тех, что Создатель разбросал по морям и океанам.

Со временем она хорошо научилась понимать живших на острове людей и прекрасно знала, что с доном Матиасом Кинтеро шутки плохи. Для этого человека имела значение лишь смерть сына, а не обстоятельства, при которых она произошла. И если парень решил изнасиловать дочь какого-то грязного рыбака, так что ж с того!

– Этот человек может принести нам много бед, – рассудила она. – Много бед... Он и раньше-то, еще при жизни сына, был не подарок.

Асдрубаль Марадентро нехотя согласился с матерью, сложил в мешок все самое необходимое, попрощался с Айзой, которая за все это время не произнесла ни слова, и последовал за своим братом Себастьяном к пляжу, уже окутанному ночной тьмой. Там они спустили баркас на воду и медленно принялись грести к маяку, остерегаясь до времени ставить парус, который, хлопнув на ветру, мог бы разбудить любопытных соседей.

Более получаса они гребли в молчании, каждый отдавшись своим невеселым мыслям. Сейчас братья отчаянно тосковали по тем золотым временам, когда их единственной заботой было узнать, не штормит ли море, да наловить побольше рыбы... Ну может, еще думали они время от времени о старом баркасе, который построил еще их дед и который, несмотря на годы, оставался самым надежным судном на всем острове.

– Я иначе поступить не мог.

– А я тебя ни о чем и не спрашивал.

Асдрубаль всегда не только любил, но еще и безгранично уважал старшего брата, своего учителя и помощника.

– Я бы поступил так же, ты же знаешь. И сейчас это не только твоя беда, это беда всей нашей семьи.

– Но ты не должен страдать из-за того, что сделал я. Это несправедливо...

Однако Асдрубаль и сам не верил в то, что говорил. Марадентро всегда и всё делили друг с другом с того самого момента, как их род появился на этом свете. Если кому-то удавалось наловить много рыбы, улов разделяли на всех; если выдавались голодные времена, то все без-

ропотно затягивали пояса. Их верность друг другу была вечна и незыблема, как скалы острова, на котором они построили свой дом.

Сына Кинтеро на самом деле убил не Асдрубаль, его убили все Марадентро.

Бабушка Энкарна всегда говорила: «Семья – только там, где все принадлежит всем, остальные люди – сбоку припеку».

Вот только семье Пердомо приходилось чаще делить друг с другом несчастья и горести, чем радость и удачу. Жили они в трудные послевоенные годы; земля, на которой стоял их дом, была бесплодна. Иногда они месяцами ждали дождя и никак не могли дожидаться. Однако беды лишь сильнее сплачивали Пердомо, да и после пережитых горестей любая удача казалась им особенно значительной.

Теперь для семьи снова наступало трудное время. Северный бриз легко нес баркас к подветренному мысу, и братья, замороженные мягким светом маяка, вспоминали, сколько раз они причаливали в этой тихой, закрытой от всех ветров бухте, которую отыскал еще их дед Езекиель. Старик никому не рассказывал об этом месте, хранил тайну для своих наследников. Здесь можно было переждать любую бурю, даже самую сильную, когда волны на западе поднимались чуть ли не до небес или с африканского побережья налетал коварный сирокко.

То были счастливые времена. Они, еще будучи мальчишками, пробирались на остров и, шутя, направляли луч прожектора маяка в сторону острова так, чтобы он аккуратно попал в пятно света, падающего из окна четвертого дома Карралехо.

– Здесь! Здесь! Бросай якорь! – приказывал Абелай, и мальчишек буквально распирало от гордости – и снова они все сделали так, как надо, и уже через пять минут на глубине в тридцать саженей голодный морской лещ или меро⁵ начинали бросаться на наживку.

Старый Езекиель Пердомо оставил своей семье богатое наследство – неистощимую «кладовую» рода Марадентро, куда всегда можно было прийти в тяжелые времена, «кладовую», созданную самой природой. Хранящееся в ней добро следовало беречь так же рьяно, как золотые монеты в кошеле, и никогда не брать оттуда сверх меры. И конечно же никому, кроме членов семьи, не стоило открывать этой тайны.

– Ни единого слова. Ловите, но не поднимайте шума, – всегда предупреждал Абелай сыновей, – ибо все окрестные рыбаки душу бы продали за то, чтобы только найти это место. Помните, наступит день – и ваши дети и внуки придут сюда, чтобы утолить голод, и вытащат из воды детей и внуков тех рыб, что вы ловите сейчас.

Так, предаваясь воспоминаниям, Себастьян и Асдрубаль вскоре подошли к скалистой бухточке, где некогда пережили столько прекрасных приключений, возможных лишь в детстве. Сейчас и Себастьян, и Асдрубаль Пердомо отчетливо понимали, что те спокойные ночи, когда они бесшумно закидывали снасти, боясь кашлянуть или закурить сигарету, остались далеко позади и жизнь никогда не будет прежней. А ведь то было поистине счастливое время. По сути, они были еще детьми, но чувствовали себя настоящими мужчинами: старшие раскрыли им секрет, рассказали о том, как семье Пердомо удавалось выживать даже в самые тяжелые годы.

– Грядут страшные времена...

Асдрубаль сказал это не думая, точно так же, как это обычно делала Айза – предсказания всегда срывались с ее губ раньше, чем появлялись в мыслях, и она первая потом удивлялась, когда ее слова сбывались. Если она говорила, что один из рыбаков скоро утонет, что на следующий день к берегу подойдут тунцы или что у жены Бенжимины родятся близнецы и один из них вскоре умрет, то, значит, так оно потом и случалось.

– Все это лишь твое воображение, – попытался успокоить его брат. – Да, грядут плохие дни, но потом-то все обязательно наладится... Люди знают, что иначе ты поступить не мог.

⁵ Крупная, зеленовато-бурого цвета рыба, как правило обитающая в тропических широтах и весом достигающая до 100 кг. Ее мясо считается деликатесом.

– И где же эти люди? Разбежались, как только мерзавец отдал концы!

– Полиция их разыщет. Они, должно быть, из Мосаги... Или из Арресифе... Мы все их видели. Они, скорее всего, дружки...

– Да, дружки! Все они одинаковы и добивались одного и того же! Я даже не знаю, чей был нож, то ли убитого, то ли одного из них. Было так темно!

– Нож был убитого, – уверенно заявил Себастьян. – Ты сам так сказал, помнишь? «Я схватил его за запястье, вывернул руку и проткнул его собственным ножом...» То были твои слова.

Асдрубаль задумался, глядя в сторону маяка Исла-де-Лобос, лучи которого блеснули последний раз и исчезли за западным мысом. Он пытался вспомнить в подробностях то, что случилось каких-то четыре часа тому назад.

– Он был такой хлипкий, – пробормотал он. – Худой и слабый, а запястье его было едва ли толще нашего якорного каната... Я чуть было не сломал его. – Он потряс головой, отгоняя охватившие его мысли. – Зачем он вытащил нож? – произнес он жалостливо. – Если бы не нож, все было бы по-другому.

Себастьяну Пердомо не нужно было смотреть на своего брата, чтобы увериться в правдивости его слов. Тот городской мальчишка привык к книгам и безделью и знать ничего не знал о тяжелом, изматывающем каждодневном труде. Его хрупкие кости раскрошились бы под руками Асдрубала Марадентро словно мел. И ничего, что Асдрубаль был в их роду самым низкорослым. Когда дело доходило до того, чтобы вытащить баркас на берег или одним махом поднять ящик, до краев наполненный рыбой, он единственный мог посоревноваться в этом с гигантом Абелаем.

Себастьян и Айза, без сомнения, пошли в мать, изящную уроженку острова Тенерифе. Асдрубаль же был Пердомо до мозга костей, от своих предков он унаследовал оливкового цвета кожу, непослушные волосы, бычий торс и стальные мускулы.

Все считали Асдрубала человеком страшным и полагали, что в потасовках ему нет равных. Достаточно лишь вспомнить, как он оторвал от земли и подбросил в воздух того здоровяка из Тегисы, а ведь в нем было не меньше ста двадцати килограммов. А такому доходяге, каким был погибший, он и вовсе мог с одного маха переломить хребет.

– Зачем он вытащил нож? – повторил Асдрубаль и с тоской посмотрел на брата.

– Потому что был слабаком и струсил...

– Я не хотел ему зла, – сказал Асдрубаль. – Я только хотел, чтобы они ушли... Чтобы оставили в покое Айзу.

– Он решил на низкое дело, а значит, был отчаянным трусом.

– Айза так испугалась... Точно так же, как и в ту ночь, когда увидела во сне, как тонет «Тимафай».

– Он заслужил смерть. Они все ее заслужили. Всех троих следовало бы прирезать, как свиней, лишь за одни непристойные мысли о нашей сестре.

– Не говори так! – оборвал брата Асдрубаль. – Такая страшная смерть... Он лежал на земле и даже пошевелиться не мог, и только открывал и закрывал рот, словно выброшенная на берег рыба... Он смотрел прямо на меня, а тело его в это время была страшная дрожь. Он дрожал, ибо знал, что уже мертв. И он все дрожал и дрожал, отчего еще сильнее походил на рыбу, бьющуюся на дне лодки в отчаянной попытке спрыгнуть в воду... На какой-то миг мне показалось, что вот сейчас у него появится рыбий хвост... Он ударит им раз, другой – и все-таки спрыгнет за борт, вернется к жизни. Как бы я хотел, чтобы жизнь все-таки вернулась к нему!

– Дело сделано! Забудь об этом!

– Ты ведь знаешь, что я никогда не смогу этого забыть... То, что произошло этой ночью, навсегда останется с нами, брат, образ покойника будет преследовать нас до самой смерти. Уж в этом-то ты можешь быть уверен.

Себастьян Пердомо не стал отвечать, сосредоточив все свое внимание на зарифлении паруса. Сейчас, чтобы благополучно подогнать баркас к небольшому молу, служащему волно-резом и причалом одновременно, ему приходилось маневрировать в полной темноте.

Асдрубаль схватил носовой конец и спрыгнул на берег с ловкостью, свойственной человеку, проведшему всю свою жизнь в отчаянных схватках с морем. Босыми ногами он уперся в мокрый, скользкий камень скалы, словно на пальцах его вместо ногтей росли изогнутые острые когти. Затем он одною рукою перехватил переданный братом тяжелый мешок, швырнул его на землю и, слегка подавшись вперед, умоляюще произнес:

– Позаботься об Айзе! Ты ведь знаешь, какого она натерпелась страху.

Себастьян молча кивнул. А потом он недвижно стоял на носу баркаса и смотрел, как его брат медленно исчезает в темноте, направляясь в сторону маяка.

* * *

Дон Матиас Кинтеро всем сердцем любил невысокую, слабую здоровьем женщину, у которой едва нашлось сил произвести на свет немощного, ей под стать, малыша. Роды окончательно истощили ее, и она оставила этот мир. Душа ее, должно быть, походила на птицу: долго, очень долго она пыталась вырваться из гнезда и подняться в небо, и наконец-то ей это удалось.

Капитан Кинтеро нашел утешение в тщедушном заморыше, которого оставила ему на память жена. Сын был его единственной радостью, и он тратил все силы на то, чтобы поднять его на ноги. В остальном жизнь его текла размеренно и однообразно. Он в одиночку накачивался лучшим вином со своих виноградников, играл в домино и позволял один раз в неделю своей худющей ключнице Рохелии, которую все звали Ель-Гирре, делать себе минет, благодаря чему снимал сексуальное напряжение до следующей субботы.

Оставалось лишь удивляться переменам, произошедшим в жизни этого тщеславного и могущественного человека, привыкшего красоваться в увешанной наградами военной форме. В свое время дон Матиас Кинтеро, благодаря своему другу, могущественному генералу Окампо, многого достиг и был в Мадриде не последним человеком. Однако и сын, и виноградники требовали все больше и больше его внимания. Потом умер Окампо, Германия проиграла войну, и дон Кинтеро понял, что время его подошло к концу. Он понял, что состариться ему суждено в деревне, наблюдая, как год за годом разрастаются его и без того немалые владения. Понял и смирился. К тому же на Лансароте он по-прежнему оставался всемогущим доном Матиасом, люди уважали и боялись его независимо от того, завладеет ли Окампо министерским креслом или умрет.

И там был его сын, слабый мальчик, который не перенес бы тяжелого мадридского климата.

Сын... который теперь мертв.

Ему сообщили о произошедшем, когда он находился в казино. В тот миг его голова была затуманена вином и сигарным дымом, а партия в «чамела»⁶ была в самом разгаре. Вначале ему показалось, что все происходящее – сон, что кто-то рассказывает содержание фильма, увиденного в поселке, или пересказывает бредни местного безумца.

«Его не могут убить. Это – все, что у меня есть», – говорят, что услышав новость, он произнес именно эти слова.

⁶ Chamela (исп.) – «чамела» – один из вариантов игры в домино для четверых игроков, где, в случае одного отсутствующего, его роль исполняет один из троих, при этом его выигрыш или проигрыш умножается на два.

И вот теперь сама его жизнь лежала перед ним, превращенная в окровавленное месиво, со свернутым на сторону от сильнейшего удара носом, со сломанной, словно карандаш, рукой, с рассеченным надвое сердцем...

– Кто это был?

– Какой-то пьяный рыбак.

– Ему не хватит и тысячи жизней, чтобы расплатиться.

Мертвецы всегда на самом деле всегда невиновны. Оправданием любому их прижизненному поступку служит смерть. И очень трудно согласиться с виной сына в собственной смерти, когда он перед тобой на обеденном столе, когда лицо его побелело, взгляд остановился, а тело застыло навеки.

Возможно, ни у кого не нашлось смелости рассказать дону Матиасу о том, что именно произошло, а может, он и слушать ничего не захотел.

– Пусть его приведут.

– Он в бегах.

– Пусть разыщут, достанут хоть из-под земли. Богом клянусь, мне не будет покоя, пока он не последует за моим сыном! Кто он?

– Асдрубаль Пердомо. Из семейства Марадентро, что живет на Плайа-Бланка... Люди крутые.

– Самыми крутыми на этой земле были красные... В войну. Теперь они все до одного мертвы.

– Но сейчас нет войны, дон Матиас.

– Знаю. Сейчас все намного хуже. В войну у меня не убили ни одного сына.

Все попытки вразумить его оказались напрасными. Дон Матиас отгородился от мира и закрылся в своем огромном старом доме с толстыми стенами. Каждый вечер он садился на крыльцо под перголой, где некогда любил работать с документами и разбираться с делами раскинувшегося у подножия Огненных гор виноградника, поджидая возвращения сына. Теперь он тоже ждал. Ждал, когда на его пороге появится человек, который приведет к нему убийцу сына.

Такую душевную боль он испытывал лишь раз в жизни, когда хоронил мать этого несчастного создания. Проходили дни, но ни время, ни тишина, ни уединение не помогали ему забыть то, что случилось, напротив, боль, грызущая, словно дикий зверь, его нутро, медленно превращалась в глухую, отчаянную злобу, в безумную жажду мести. И очень скоро он уверился в том, что, уничтожив Асдрубала Пердомо, он сможет вернуть к жизни сына.

Только Рохелия Ель-Гирре, худая, как жердь, всегда молчаливая, в неизменном траурном платье, время от времени отваживалась подойти к дону Матиасу и принести ему поднос с едой. К еде, правда, он не прикасался. Тело его таяло так же, как таяла душа, и буквально за четыре дня он изменился до неузнаваемости.

Спустя две недели к нему наведился его верный партнер по «казино», лейтенант Альмендрос. Однако тот не принес никаких утешительных вестей.

– Парень все еще где-то прячется, хотя мы буквально по камешку перебрали остров. Родные его молчат, но мне все же удалось кое-что выведать. В ту ночь произошла ссора, и, похоже, нож принадлежал вашему сыну.

– У моего сына никогда не было ножа... Кто это говорит?

– Некий торговец скобяными изделиями из Арресифе. Он сам продал нож вашему сыну.

– Ему заплатили, чтобы говорил неправду. Но скоро его замучает совесть и он возьмет свои слова обратно.

Лейтенант, служивший в Цивильной гвардии, пристально посмотрел на своего друга, который за пятнадцать дней, казалось, превратился в столетнего старика. Они вместе выиграли четыре турнира и разделили не одну сотню обедов, и лейтенант научился ценить дону Матиаса, несмотря на его постоянно дурное настроение и гневное ворчание, когда кто-то ошибочно ста-

вил не ту фишку. Сперва он ему сочувствовал из-за случившегося, но вскоре у него сложилось свое собственное мнение касательного того, что же все-таки произошло на Плайя-Бланка.

– Ваш сын вел себя неблагоразумно в ту ночь, – начал он нерешительно. – Он и его дружки приставали к девушке.

– Неправда! Я прекрасно его воспитал. Эта свинья – девка крайне распущенная, я слышан о ней. Она сама заигрывала с ними до тех пор, пока не появился ее пьяный брат и, не сказав ни слова, ударил ножом моего сына....

– Все было совсем не так, дон Матиас...

– Я знаю, как оно было! – зло оборвал его капитан. – На Плайя-Бланка Марадентро считают себя королями. Этакие князьки! Они всегда делали то, что им вздумается, однако сейчас они столкнулись со мной – с капитаном Матиасом Кинтеро.

– Мне бы не хотелось, чтобы вы встали на зыбкий путь мести.

– А за что же еще мстить, как не за смерть сына? Моего единственного сына! Единственного родного мне человека! – Он широким жестом повел вокруг, указывая на плантации, раскинувшиеся перед ним, где каждая лоза была любовно обложена каменными стенками, защищающими ее от ветра. – Этому я посвятил все мои силы. Добился того, что на злой, вечно сухой земле стали вызревать прекрасные урожаи. Я стал делать вино «Кинтеро», каковому на всем архипелаге нет равных. Мальчик бы продолжил мое дело... Я бы отправил его учиться во Францию, а по возвращении купил бы часть «Херии», чтобы он исследовал там новые подвои... Он был очень умным и способным... – Он помотал головой, словно пытаясь отогнать от себя страшные мысли. – Кому, скажите, кому я теперь все это оставляю? Этой уродине Ель-Гирре и этому законченному козлу, ее мужу?!

Вразумить дона Матиаса, ослепленного злостью, было попросту невозможно, и лейтенанту Альмендросу не оставалось ничего другого, как признать свое поражение. Тем более что ему оставалось всего восемь дней до отпуска, и он никак не мог дожидаться того момента, когда сможет посадить на корабль семью и спокойно отдохнуть летом, думать не думая об этом запутанном деле, от которого за версту разило неприятностями.

Лейтенант Альмендрос не стал рассказывать другу о скором отъезде и о том, что дело его сына он передал своим подчиненным. Напротив, он попытался было сменить тему, но было очевидно, что ничто не сможет отвлечь дона Матиаса от несчастья, вокруг которого постепенно начинала вращаться вся его жизнь.

– Где он может скрываться? – неожиданно прервал он монолог Альмендроса. – Ведь остров не такой уж и большой.

– Может быть, он уехал? Скорее всего, он сбежал на Тенерифе, к родственникам матери, а может, подрядился на одно из рыбацких суден, которые спускаются до Ла-Гуэры и Мавритании.

– Я его заставлю вернуться.

– Как?

– У меня есть одна идея...

– Не наживайте себе проблем, дон Матиас. Я вас понимаю и очень вам сочувствую, однако, когда речь заходит о законе, вы должны держать себя в руках. – Лейтенант Альмендрос сделал паузу, закурил сигарету и посмотрел на пальцы, покрытые несмываемым налетом никотина. – Я говорил с его родителями, и они мне пообещали, что он сам сдастся, как только вы успокоитесь и решите все же ознакомиться со свидетельскими показаниями.

– Какие это еще свидетели?

– Ребята, которые были в ту ночь с вашим сыном. – Лейтенант глубоко вздохнул. – Если они скажут правду, Асдрубаль покорно примет наказание, к которому его приговорят.

– Но зачем мне что-то читать? Ведь я и без того знаю правду: он предательски убил моего сына, да еще и ночью... Наверное, хотел его ограбить. – Дон Матиас произносил слова

медленно, тщательно проговаривая каждую букву, словно пытался таким образом придать им еще больше значимости. – Или, может быть, он убил его потому, что это был мой сын... Эти свиньи никак не могут смириться с тем, что мы их победили, и теперь нападают из-за угла, мстят...

– Ох, полноте, дон Матиас! Не осложняйте дела. Война закончилась десять лет назад!

– Вы же видите, что они ничего не забыли... И я тоже!

Если бы лейтенант Альмендрос попытался убедить в своей правоте мула, он бы добился большего успеха, чем в случае с доном Матиасом Кинтеро. В воображении несчастного отца покойный навсегда должен был остаться милым юношей, из которого мог бы вырасти успешный и учтивый мужчина. В мыслях дон Матиаса не было места насильнику, первому выхватившему в драке нож.

Вечерело. Солнцу понадобилось лишь несколько минут, чтобы скрыться за вулканом острова Тимафайа, и редкие белые облака, постепенно приобретая красную окраску, устремились к югу, подталкиваемые бризом, дующим со стороны Фамара. Это был самый прекрасный час на острове, когда вулканы из черных постепенно становились желтыми, потом темно-красными и в конце коричневыми. Это был самый прекрасный час в доме капитана, когда дон Матиас усаживался на крыльце и рассказывал сыну о матери, о войне, о будущем, которого, как оказалось, для него не существовало.

– Наверное, было бы недурно, если бы ты привел в дом женщину, – обычно говорил дон Кинтеро. – Хорошую девушку, которая нарожала бы мне внуков. С ними в наш дом пришла бы радость, а то живем, словно в склепе. Рохелия с каждым годом худеет все больше и больше, словно высыхает на солнце. Кожа ее – дряблая, а когти на руках – как у хищной птицы, вот-вот вцепится в добычу. Она даже цыпляет ворует. Ну а яйца мои только потому оставляет целыми, что я их после ее ласк каждый раз пересчитываю...

По правде говоря, дон Матиас Кинтеро прекрасно знал, что вот уже два года, как его сын связался с компанией неразборчивых молодчиков, каждый из которых уже давно потерял невинность во рту Рохелии.

Сын его к тому времени был уже мужчиной, и они могли говорить о таких делах, как мужчины. Однако при взгляде на сына, худого и слабого, дон Матиаса часто одолевали сомнения – сможет ли он продолжить род Кинтеро?

Без сомнения, величественный дом Кинтеро знал лучшие времена. Дом этот был выстроен на самой вершине мрачной горы, и со временем жителям острова стало казаться, будто он, вырастая прямо из камня, превратился в настоящее сердце острова. Толстые стены дома наводили на мысли о средневековых замках. В его комнатах всегда царила благословенная прохлада, даже если казалось, что на улице от жары вот-вот загорятся виноградники.

Иногда, блуждая по дому, Кинтеро слышались смех многочисленных родственников и друзей. Иногда он видел детей, голоса которых некогда звенели в этих мрачных стенах. Они как угорелые носились из комнаты в комнату, выскакивали во двор, бежали в сад, в тень старых смоковниц...

Где же они все теперь? Как же так случилось, что все эти люди исчезли, ушли один за другим, ничего после себя не оставив? Каждый раз ему приходилось напрягать память, чтобы восстановить историю то одного, то другого гостя дома. И каждый раз он приходил к одному и тому же неутешительному выводу: всему виной был смертоносный ветер времени, чьи порывы унесли в страну забвения и эти радостные голоса, и этот веселый смех.

Его предки всю свою жизнь боролись и побеждали, бессильны они были лишь перед временем, бесконечно сильным и бесконечно жестоким. Теперь могилы его братьев были разбросаны по всему свету, словно беспощадная рука судьбы выхватывала их из жизни и, как следует размахнувшись, отбрасывала подальше. В памяти до сих пор всплывал образ жены, чистой и

хрупкой, словно созданной из хрусталя. Он до сих пор не понимал, как она не рассыпалась на тысячу осколков, когда он впервые проник в нее в их первую брачную ночь... Ночь, после которой стены их старого дома постепенно стали пропитываться запахом смерти, по мере того как из дверей выносили усопших.

Скоро в многочисленных комнатах дома не осталось ни одной кровати, на которой кто-нибудь да не умер... И только его сын, последняя его надежда на то, что род Кинтеро не прервется, предпочел умереть далеко от дома, среди камней какой-то забытой богом и людьми тропы.

Почему так вышло?

Временами он задавался вопросом: возможно ли, что тот грязный рыбак уже давно возненавидел его сына и лишь ждал подходящего момента, чтобы хладнокровно вонзить нож ему в сердце? Как бы там ни было, последние надежды дон Кинтеро из Мосаги растворились во рту ненасытной Рохелии – так вулканическая лава, живая и пылающая, в один миг холодеет и превращается в камень, стоит ей лишь коснуться холодных морских вод.

Дон Матиас Кинтеро с детства ненавидел море – после того, как оно проглотило его кузена Андреса на его глазах. Произошло это в Фамаре. С тех самых пор он всегда поворачивался спиной к океану, который казался ему злым и враждебным. Ему словно что-то подсказывало, что океан и его люди однажды принесут в его дом несчастье.

Он остался в одиночестве и равнодушно наблюдал за тем, как со всех сторон на имение наползает ночная тьма. Дону Кинтеро казалось, что вся его жизнь со смертью сына превратилась в одну сплошную, никак не заканчивающуюся ночь, что теперь он обречен метаться во мраке среди теней и отчаянно ждать наступления холодного рассвета, который, скорее всего, не принесет облегчения и не избавит его от душевных мук.

Вокруг было пугающе тихо. Даже ветер-полуночник, который когда-то каждую ночь на цыпочках пробегал по стенам дома и прыгал по виноградным листьям, теперь мчался прочь от дверей помеченного смертью дома. Он улетал, все быстрее и быстрее, чтобы начать свою песню где-нибудь на подступах к Масдаче, а потом, подпрыгивая, взобраться на самую вершину вулкана Фемес, весело броситься вниз, к Плайя-Бланка, туда, где ликовал Пердомо Марадентро, уничтоживший род Кинтеро из Мосаги.

Он так и остался сидеть в одиночестве, пережевывая злобу и лелея жажду мести. В конце концов дон Кинтеро решил, что на острове больше нет справедливости и пора уже действовать самому, начать охоту на убийцу и дать всем понять – тот, кто поднял руку на одного из Кинтеро, заплатит за свое преступление кровью.

Когда Ель-Гирре явилась со своим проклятым подносом, он отстранил его резким движением руки.

– Унеси это! – прохрипел дон Кинтеро. – Я не голоден. Унеси и позови своего мужа... Завтра, как только рассветет, он должен спуститься в Арресифе и отправить телеграмму.

– Телеграмму? – удивилась старая карга. – Кому?

– Человеку, который знает, как следует поступать с мерзавцами.

В ту ночь, когда родилась Айза, начался дождь. Он шел долго, очень долго, и подарил много радости жителям бесплодного, каменистого острова. Хлынувшая с неба вода напитала землю и наполнила до краев хранилища. Люди собирали в ладони тяжелые прохладные капли и умывались с таким наслаждением, будто не видели пресной воды со времен Ноя.

Девять дней дождя там, где приходилось ждать по девять лет, пока на землю упадет хоть одна капля, занесенная сюда неизвестно каким ветром. И стоит ли удивляться, что событие это было для жителей острова столь важным, что в книгах муниципального совета даже были сделаны соответствующие записи. Тогда же Сенья Флорида, умевшая предсказывать судьбу по внутренностям акулы маррахо, заявила: небеса так обрадовались рождению внучки ста-

рого Езекиеля Марадентро, что решили преподнести всем жителями острова бесценный дар – дождь.

Однако все знали, что Сенья Флорида с каждым днем становилась все глупее и глупее и в последнее время частенько несла околесицу.

А спустя две недели по всему острову распустились миллионы цветов, пробивавшиеся даже сквозь трещины в лаве, а бесплодные камни Рубикона впервые превратились в роскошное пастбище, где козы и верблюды могли наконец-то наесться вдоволь. В тот же день, когда новорожденной исполнился месяц, из-за мыса Папагойо приплыл косяк прыгающей макрели: казалось, рыба ждала, когда рыбаки, не прикладывая никаких усилий, лишь вытянув руку, ее поймают. Тут уже даже самые отчаянные реалисты были вынуждены признать, что всеми этими чудесами жители острова обязаны очаровательной зеленоглазой малышке, родившейся в семье Пердомо.

– У нее барака, – утверждал Мавритании Абдул, который три года назад чуть не утонул при крушении судна в Пуэрто Муелас, после чего навсегда остался на острове. – Говорю вам, у нее барака – дар божий. Вокруг нее всегда будут происходить чудеса, пока она навечно не отдаст сердце мужчине.

Айзе не исполнилось еще и пяти лет, когда с ней произошло очередное чудо. Находящийся в гоне, разъяренный верблюд, чуть не затоптавший до смерти Марсиала, неожиданно затих, стоило девочке лишь приказать ему остановиться. Позже она стала предсказывать кораблекрушения, которые затем непременно происходили у берегов острова, а также рассказывать о приближении самых свирепых ветров сирокко. Она умела снимать жар и убирать даже самые большие опухоли. А в тот день, когда у нее в первый раз пришли месячные, она предотвратила нашествие саранчи.

Сенья Флорида оказалась первой из ушедших в мир иной, кто явился Айзе во сне. Старуха, которая на тот момент вот уже два месяца как лежала в могиле, рассказала ей о месте, в котором она спрятала все свои сбережения и которое ее сын безрезультатно искал все это время.

Посему, когда Айза впервые увидела Дамиана Сентено в дверях дома, который он только что снял, она тут же явилась к матери и сказала, что явилось «зло».

– Почему это «зло»?

– Потому что оно живет в его взгляде и смотрит из татуировки на его правой руке. Каждый раз, как я вижу в снах кораблекрушения или беду, этот рисунок сливается с лицом умершего.

– Что еще за рисунок?

– Кровоточащее сердце, пронзенное штыком винтовки. Как-то в таверне я спросила Дамиана Сентено о том, что значит этот рисунок. И он хриплым голосом мне ответил: «Я сделал его в тот самый день, когда узнал, что красные убили мою мать в Барселоне. Эта татуировка не дает мне забыть о матери... И о красных тоже».

Тогда слова Дамиана Сентено так и остались без ответа. Лансароте всегда жил своей жизнью. Конечно, во времена Гражданской войны, с ее жуткой ненавистью и бесчисленными преступлениями, и здесь кое-кого сбросили в море с камнем на шее или столкнули в бездонную пропасть с самых высоких утесов Фамары. Однако ненависть и злоба хорошо жили лишь в больших городах. Лансароте же был слишком маленьким островом, чтобы его немногочисленные жители могли позволить себе роскошь бездумно убивать друг друга. Произойди это – и остров быстро бы превратился в бесплодную каменистую пустыню.

Однако слово «красные», произнесенное Дамианом Сентено и буквально сочащееся ненавистью, вызвало у многих страшные воспоминания. И вдруг для всех стало очевидно, что мирные годы так и не наступили.

Дамиан Сентено был человеком маленького роста и страшно худым, однако его хриплый голос всегда звучал так уверенно, что казалось, будто все силы его тщедушного тела сосредоточились именно в нем. Жалкий внешний вид Сентено мало кого мог обмануть: при первом же взгляде на него становилось понятно, что и в свои сорок с небольшим лет он может играючи уложить за раз троих молодцов.

Все в нем – и жуткая татуировка, и манера вечно приказывать, и гордая посадка головы, и длинные густые бакенбарды – выдавало закаленного в сотнях боях и в тысячах пьяных драк человека, настоящего короля улиц. Он никогда не застегивал до конца свою зеленую рубаху, и все видели длинный и тонкий шрам на его груди, оставшийся после удара ножом. Он носил его с гордостью, словно получивший орден солдат.

– Зачем сюда приехал?

– Провести отпуск... А что, я вам тут мешаю?

– Ни в коем случае. Однако чужаки не слишком-то часто повляются на нашем богом забытом острове... И надолго думаешь остаться?

– Пока не поймаю одну «рыбку»... Очень, знаете ли, меня интересует рыба.

– На Коста-дель-Моро рыба получше водится. Ты, случайно, не из Марокко приехал?

Дамиан Сентено пристально посмотрел на Хулиана ель-Гуанче и едва заметно улыбнулся, слегка оскалив белые, немного похожие на кроличьи зубы:

– Не, мне нужна другая рыба, там такой нет. И почему это вы решили, будто я приплыл из Марокко? Я ведь ни о чем таком не говорил.

– А чему тут удивляться? Там находятся основные силы терсио⁷, а у меня племянник тоже легионер.

– Такой же умный, как и вы?

– Должно быть, это у нас семейное. – Дон Хулиан был не из тех людей, кто легко сдается. И годы не сломили в нем боевого духа. – Однажды став легионером, человек остается им до конца. На его лице словно особая отметина появляется. Много лет службы?

– Двадцать восемь. – Дамиан Сентено распахнул рубаху. – Видите этот шрам? Это память о высадке на Алхусемас. А в ноге я до сих пор ношу русскую пулю, полученную в Сталинграде.

– А этот, на груди?

– Один ефрейтор, который мне не подчинился в Рифиене... Я его прикончил его же собственным ножом.

– Здесь совсем недавно произошла похожая история. Один юноша вытащил в драке нож... Его же им и убили.

– Удивительное совпадение, – согласился Дамиан Сентено. – Правда, мне рассказывали по-другому. Один торговец признался, что на самом деле продал нож убийце...

– Это что-то новенькое.

– Позавчера, – уточнил Дамиан Сентено. – Он рассказал мне об этом позавчера. Ночью, в одном из баров Арресифе.

– Что ж, значит, и здесь странное совпадение. Знаешь, хотелось бы мне разобраться во всей этой чертовщине... Ты, случайно, не друг дона Матиаса Кинтеро?

– Капитана Кинтеро? – переспросил легионер, чем и выдал себя. – Ах да, конечно! Последние два года, что шла война, я имел честь служить под его началом.

– Погибший – его сын.

– Я и об этом слышал. А также я слышал, что убийца сорвался с крючка...

– Теперь я понимаю, какую «рыбу» ты собираешься ловить в наших водах.

⁷ Подразделение гражданской гвардии.

Из таверны дон Хулиан ель-Гуанче прямо направился к дому своего кума, Абелая Пердомо, чтобы пересказать ему разговор, который несколько минут назад произошел между ним и Дамианом Сентено.

– Он даже не скрывает своих намерений, – завершил он свой рассказ. – И парень этот показался мне слишком самоуверенным. Похоже, что «рыбалка» его будет удачной.

– Я знала, что так будет, – сказала Аурелия, которая все это время молча слушала рассказ кума. – Дон Матиас заставил торговца изменить свои показания, и теперь последнее слово за этими юношами, друзьями убитого. – Она вздохнула, откладывая в сторону брюки, на которые в который уже раз накладывала заплаты. – Суд вынесет решение в пользу того, у кого больше денег... Бедный мой мальчик!

– Его пока еще не схватили. Да и найти его будет непросто. Уж как они старались, но все их старания прошли впустую, – спокойно заметил ее муж. – Я сам первый выступлю за то, чтобы наш сын понес справедливое наказание. Но он должен быть наказан лишь за то, что совершил. Однако сейчас мне становится страшно, потому как дон Матиас, без сомнения, затеял грязную игру... – И он обратился к куму: – Что намерен делать этот убийца, который надеется опередить местную полицию? Снова собирается перебраться остров по камешку?

– Не знаю, Марадентро, не знаю. Скажу лишь одно: не позволяй ему приближаться к мальчику, – медленно, с расстановкой произнес дон Хулиан. – Он не станет добиваться правды и ни в чем не поможет полиции. Единственное, на что он способен, – это преподнести голову твоего мальчика – еще одну голову! – дону Матиасу. Он настоящий головорез, которому самое место в тюрьме. Он опаснее мурены, выскочившей ненастной ночью на палубу. А ведь все знают: если она вонзает в кого-то свои зубы, то уже не отпустит жертву, пока ей не отсекут голову.

– Он нам принесет много бед, – тихо произнесла Айза, сидевшая все это время в своем уголке. – Даже дедушка дрожит, когда слышит его имя.

Старый Езекиель умер уже четыре года тому назад, однако все знали, что дух его так и остался на борту старого баркаса «Исла-де-Лобос» и сходил на землю только тогда, когда жаркими лунными ночами Айза ложилась спать с открытым окном. Они тогда подолгу разговаривали, и он ей рассказывал истории, произошедшие так давно, что никто уже, кроме него, о них и не помнил.

– Не вмешивай деда в эти дела, – оборвала ее мать. – Иначе ты и впрямь накличешь беду. Твои дурные предсказания и без того пугают меня. В конце концов, этот Дамиан Сентено всего лишь человек. Твой отец может одним ударом кулака проломить ему череп.

– Это мой страх говорит во мне, – последовал ответ дочери. – Асдрубаль убил, защищая меня. Папа же может убить, защищая Асдрубаль... Было бы намного лучше, если бы в ту ночь все шло своим чередом. Тогда сейчас все бы уже позабыли о произошедшем.

С этими словами она встала и вышла из комнаты той своей легкой, величественной походкой, которая, должно быть, досталась ей в наследство от какой-то императрицы, непонятно каким чудом имевшей в незапамятные времена отношение к семье Пердомо. Во всяком случае, никак иначе ее манеру держаться, столь несвойственную простым островитянам, объяснить было нельзя. Правда, Аурелия полагала, что ее дочь ступает так легко потому, что привыкла бродить по пляжу среди кружащих в воздухе теней. Девушка большую часть времени гуляла по колону в воде, беседуя с умершими и создавая миллионы миров, каждый из которых потом продолжал жить в ее воображении.

С детства она привыкла ходить по песку, перешагивая через накатывающие на берег волны, отчего ее ноги, длинные и всегда загорелые, сохраняли стройность, а упругие бедра мерно покачивались при каждом движении. Так что, если бы Айзу нельзя было бы сравнить с царницей, ее смело можно было бы сравнить с кошкой. Каждый раз, когда Айза вставала, она

походила на львицу в засаде или на гепарда, приготовившегося сделать прыжок. Ее походка сводила мужчин с ума ничуть не меньше, чем ее высокая грудь или тонкое, чувственное лицо, на котором неизменно сохранялось отсутствующее выражение.

– Ваша малышка может принести на остров много бед, – пробормотал хриплым голосом дон Хулиан ель-Гуанче. – Уже один парень погиб из-за нее, и, помяните мое слово, это только начало. Юноши и дальше будут продолжать резать глотки друг другу.

– В случившемся нет ее вины, – ответила грустно Аурелия. – Она такой родилась и такой выросла.

– Нет вины... Пожалуй, что так. Однако вот она, такая, какая есть, и хотел бы я видеть, как все это ты объяснишь людям.

В том, что сказал дон Хулиан ель-Гуанче, для Айзы не было ничего нового. С тех пор как она стала женщиной, дочь Абелая уже успела привыкнуть к тому, что разговоры сразу прекращаются, стоит ей лишь войти в комнату, и тут же звучат вновь, стоит ей выйти.

Ей были противны взгляды мужчин, которые своими сальными глазами ошупывали ее тело, она ненавидела пересуды, легкие прикосновения и перешептывания. А слыша вслед глумливый свист, пошлые слова и колкие фразы, она чувствовала себя оскорбленной.

Она любила вспоминать детские годы, когда могла свободно гулять по пляжу, глядя ногами нежный песок и млея от ласковых прикосновений накатывающейся воды. Только она одна знала, что вода приносит к берегу мелкую рыбешку, которая, играя, касается ее ног. Это были благословенные годы, когда она могла себе позволить остаться наедине с героями своих любимых книг, страсть к которым зародила в ее душе мать. Тогда она еще не привлекала к себе десятки взглядов, сейчас же самая невинная прогулка по пляжу оборачивалась непристойным спектаклем.

Почему люди так изменились?

Почему она перестала быть Айзитой Марадентро, которую мужчины могли послать за табаком, а матери попросить присмотреть за детьми? Почему она перестала быть малышкой Абелая, которая умела избавлять от жара или предсказывать время, когда пойдут валом тунец или сардины? Почему женщины нехотя стали пускать ее в свои дома в час, когда там находятся их мужья? И почему мужчины столь настойчиво зазывают ее в гости, когда их жены уходят по делам?

Неужели они не понимают, что она все та же девочка, какой была, и любит она по-прежнему те же вещи, какие и любила? Это тело ее вздумало измениться, но не душа. Она все еще предпочитала шить платья своей старой кукле или восхищаться морем, думая о Мобе Дике или Сандкане, чем выслушивать сомнительные комплименты мужчин, так и норовивших до нее дотронуться. Она не понимала их намеков, однако в обещании подарить узорчатый платок, бронзовый браслет или цветастую блузку она чувствовала скрытую опасность.

– С тобой то же самое происходило, мама?

– Почти. Не так часто, как с тобой.

– Почему?

Всякий раз, услышав подобный вопрос, Аурелия гладила дочь по голове и подолгу пристально смотрела ей в глаза.

– Потому что я никогда не была такой красивой, дочка. Пришло твое время, мы все должны понять, что Господь наградил тебя красотой, которая сводит с ума мужчин и тревожит женщин. – Она смущенно покачала головой. – Не знаю, хорошо это или дурно, но, как бы там ни было, тебе следует вести себя благоразумно. Глядя на тебя, я испытываю гордость, однако чувствую я и страх.

Происходящее пугало и Айзу.

После той проклятой ночи страх, казалось, навечно вошел в ее сердце. Теперь она садилась на каменные ступени, спускавшиеся из кухни их дома прямо к морю, и долго смотрела

на мигающий свет маяка. Каждый раз она спрашивала себя: винит ли ее Асдрубаль в случившемся, в том, что он вынужден скрываться в огромном пустом доме, затерявшемся среди камней безлюдного острова, в то время как его истинное место было здесь, рядом с родными?

Потом она неизменно вспоминала, как Асдрубаль, сидя на этих же ступеньках, учил ее навязывать крючок на самодельную удочку, насаживать наживку и забрасывать снасть, когда ей еще не исполнилось и шести лет. Когда же она поймала свою первую сельдь, которую затем приготовила на ужин, он без усталости ее нахваливал.

Вспоминался ей и Себастьян, учивший ее плавать в море, чьи волны бились о берег в каких-то десяти метрах от того места, где стояла ее кровать, его сильные руки, аккуратно поддерживавшие ее под живот. Вся ее жизнь с тех самых пор, как она себя помнила, текла спокойно и размеренно в самом прекрасном месте в мире, в окружении самых замечательных людей на свете – строгого великана отца, всем сердцем обожавшего свою малышку, ласковой мечтательницы матери, с лица которой не сходила улыбка, и самых лучших, самых умных и самых отважных братьев на свете.

А потом ее мир разлетелся на тысячи осколков, обнажив неприглядную реальность – у нее выросла высокая и упругая грудь, а бедра стали походить на круп нервной чистокровной кобылицы.

Даже ее отец изменился. Теперь, когда по вечерам она вбегала в дом и запрыгивала ему на колени, он напрягался, словно был не рад ее видеть. Она же едва смогла скрыть свое смущение, когда однажды он ее отстранил, хлопнув ладонью по ягодицам:

– Ты уже не в том возрасте, чтобы вот так запросто садиться на колени к мужчине. Это был последний раз. Теперь ты сядешь на колени только своего мужа.

В тот апрельский вечер за ней навсегда закрылись двери, ведущие в детство. Когда же она поняла, что никто, даже ее отец, уже не любит ее так, как прежде, ей стало так горько, что и словами не передать.

Во что же она превратилась, если даже родные братья боялись к ней прикоснуться? Почему она должна менять свою жизнь из-за странных прихотей собственного тела, ведь ей так нравилось кувыряться с Асдрубалем на песке или кататься на плечах Себастьяна, который потом непременно заходил в воду и принимался прыгать через набегающие на берег волны.

Теперь она страстно мечтала лишь об одном, чтобы Асдрубаль, как и прежде, уселся на одной из верхних каменных ступеней, а она бы села чуть ниже и, прислонив голову к его коленям, слушала рассказы – о рыбной ловле, о том, какую историю на этот раз поведал ребятам дон Хулиан, о деньгах, которые они когда-нибудь непременно накопят, купят весь остров Исладе-Лобос до последнего камня и превратят его в царство Марадентро.

– Ты представляешь, что это значит построить дом за лагунами? Разбить вокруг него прекрасный сад, полный диковинных растений, и обязательно соорудить рядом причал, чтобы баркас приставал прямо к крыльцу?

Лагуны эти покрывал песок, такой белый, что слепило глаза, а вода в них была кристально чистой. Океан после отлива оставлял в маленьких затоках крошечную рыбешку и крабов. Это было самое прекрасное место в целом мире, настоящий рай, где можно было искать под камнями осьминогов, играть в мяч, плавать, ловить рыбу прямо руками, сидя на большом камне, или валяться на горячем песке и наслаждаться послеполуденным солнцем.

Лоточник-турок, который четыре раза в год спускался на Плайя-Бланка, иногда приносил вместе с неизменными свистульками и безделушками маленькие очки в резиновой оправе, которые плотно прилепали к лицу и позволяли видеть то, что происходило под водой так ясно, словно ее и не существовало. Малышня готова была отдать за эти очки все свои сбережения, собранные за целый год.

Какое же забавное зрелище они собой являли. Зады их высоко поднимались над водой, в которой скрывались их головы. Они с удивлением наблюдали за жизнью подводного мира

и каждый раз разбегались с визгом, случись им увидеть что-то необычное или Себастьяну нырнуть слишком глубоко, подняв при этом тучу брызг.

Когда-то на острове водились тюлени и морские волки, которые и дали ему название, однако несколько лет назад они ушли к мавританским берегам. Правда, они все еще попадались на глаза рыбакам, спускавшимся к большим рыбным банкам мыса Кабо-Бахадор.

Удивительно, что животные, более привычные к холодным полярным водам, когда-то выбрали этот безлюдный жаркий остров. На протяжении столетий он был их единственным домом, пока строительство маяка и постоянное присутствие людей из Фуэртевентуры и Лансароте не вынудили их мигрировать к спокойным, не менее жарким и таким же скалистым африканским берегам.

А вот рыба, живущая в лагуне, людей не боялась: когда Себастьян, умевший плавать лучше всех в семье Марадентро, нырял в воду, она не уплывала в сторону, не пряталась под камнями и среди водорослей, а с любопытством приближалась и глядела своими выпученными глазами на странного и смешного «осьминога», чьи щупальца были слишком коротки. Рыба даже давала потрогать себя.

Айза не умела нырять так глубоко, как ее брат, и ей оставалось лишь наблюдать за ним с восхищением. И это тоже были одни из самых ярких и самых прекрасных воспоминаний ее детства.

Теперь она никак не могла взять в толк, почему ее братья должны идти в военный флот, а она сама превратилась в женщину. Почему от прежнего счастья у нее остались лишь воспоминания?

– Почему вещи не остаются такими, какими они были раньше?

Себастьян возник прямо из ночной темноты, сел рядом и со свойственной ему медлительностью закурил сигарету.

– Это цена, которую мы вынуждены платить за взросление.

– А кому интересно быть взрослым? Посмотри, что происходит! Мы здесь, сидим и смотрим на огни маяка, думаем, как там Асдрубаль... Как же ему сейчас, должно быть, одиноко в том старом и ветхом доме!

Себастьян ответил не сразу. Он был тем человеком, кто предпочитал больше молчать, а если и разговаривал, то менее горячо, да и вообще был менее мечтателен, чем его сестра.

– Ему скоро придется уйти, – произнес он наконец. – Не знаю куда, знаю лишь, что как можно дальше от дома. Он должен либо сдаться, либо уйти. У меня дурное предчувствие: этот человек, которого дон Матиас пустил по следу, скоро поймет, где скрывается Асдрубаль.

– А что будет, если он сдастся?

Себастьян лишь пожал плечами:

– Не имею ни малейшего представления. В лучшем случае проведет несколько лет в тюрьме. Но это его уничтожит... Асдрубаль не из тех людей, кто может сидеть под замком. Он влюблен в море, ему необходимо его видеть, дышать им каждый день. Когда он находится на суше, какой бы она ни была, ему становится тесно. Не знаю, как он сможет выжить в камере...

Айза ласково погладила брата по мускулистой руке, сейчас безвольно повисшей.

– Закрой глаза и представь, что это всего лишь кошмар, – сказала она. – Разве нельзя сделать так, чтобы время повернулось вспять, хотя бы на двадцать дней назад? Все было так хорошо!

– Нет. Хорошо не было, – ответил Себастьян, перебирая ее длинные нежные пальцы – сложно было поверить в то, что эти руки каждый день моют посуду и солят рыбу. – Мы жили спокойно, вот и все. И теперь, когда мы потеряли покой, та жизнь кажется нам прекрасной. – Он слегка надавил пальцем на кончик ее носа. – Ты ведь уже давно чувствуешь себя несчастной.

– Люди уже не любят меня так, как раньше.

Себастьян не нашелся что ответить, ибо даже для него сестра из прелестной и озорной девчушки превратилась в таинственное и незнакомое создание.

Они долго сидели молча, каждый погружившись в свои мысли, устремив взоры на покрытое ночным мраком море и на маленький, беспрерывно мигающий вдали огонек, пока вдруг не заметили, как чья-то спичка зажглась метрах в десяти от лестницы, как раз у самой воды. Пока она медленно горела, разжигая кончик сигареты, на них в упор смотрел какой-то человек.

Сколько времени он находился здесь, никто не знал, но было очевидным, что наблюдал за домом он уже давно, явно не скрывая своего присутствия.

– Пожалуйста! – взмолилась Айза. – Это человек меня пугает.

– Хотелось бы знать, зачем он здесь рыщет.

– Оставь его! Берег принадлежит всем, и он имеет право находиться там, где хочет.

– Ему незачем крутиться возле нашего дома в такое время... Он хочет напугать тебя.

– Ему это уже удалось, но я не хочу, чтобы я снова стала причиной несчастья.

Довольный тем, что ему удалось достичь желаемого, Дамиан Сентено сделал глубокую затяжку, дав сигарете сильнее разгореться, и выбросил ее в море. Огонек прочертил длинную дугу в воздухе и исчез в темноте, превратившись в тень среди теней.

* * *

Они прибыли на следующий день в полдень, и их было шестеро.

Кое-кто из них тоже хвастался своими татуировками, а некоторые в них и не нуждались, ибо их внешний вид и манера держать себя ни у кого не оставляли сомнений в том, что люди эти – самые настоящие мерзавцы, бывшие заключенные, отчаянные головорезы.

Они прибыли ровно в полдень, словно специально выбрали время для того, чтобы произвести впечатление на собравшихся на берегу перед таверной стариков, как всегда обсуждавших происшествия, приключившиеся за неделю рыбного промысла. Вспоминали они и о несчастье, произошедшем на Плайа-Бланка.

Кое-кто из женщин, чистивших рыбу, стиравших белье или посматривавших в окна свои кухни, пока готовили обеды, тоже видели чужаков. Они, не откладывая дела в долгий ящик, поспешили оповестить своих мужей, отдохавших после ночного лова. И вот уже все селение, храня молчание, смотрело на чужаков, пока те выходили из больших, покрытых пылью автомобилей, громко приветствовали и крепко обнимали Дамиана Сентено и друг за другом входили в большой дом, принадлежавший Сенье Флориде, который с превеликим удовольствием она сдала этому беспутному мерзавцу за двадцать дуру в месяц.

Дом Сеньи Флориды, белый, просторный, всегда хорошо проветриваемый, хранил за своими стенами настоящее сокровище – единственное дерево на целой трети южной части острова Лансароте. То была мимоза, по весне покрывавшая землю мягким желтым ковром и неизменно вызывавшая восхищение детворы, почти не привыкшей к цветам. Мимоза стояла на вершине скалистой возвышенности, закрывавшей с востока небольшой пляж и бухту вместе с кучкой беленых домов.

Дом Пердомо Марадентро, который закрывал пляж с другой, западной, стороны, стоял чуть ниже и находился на расстоянии чуть более чем в шестьсот метров, если идти напрямую. С самого первого дня Аурелия заметила – впрочем, не заметить этого было сложно, так как чужаки не считали нужным скрываться, – как какой-то незнакомец постоянно наблюдал за их домом в длинную, отливающую золотом подзорную трубу, в линзах которой плясали блики жаркого солнца.

– Чего они хотят добиться?

– Хотят запугать нас.

– Еще больше? Не думаю, что это вообще возможно.

– Наверное, они хотят подловить нас, узнать, где скрывается наш сын.

– Они нас плохо знают!

– Естественно... Они плохо нас знают, – согласился Абелай Пердомо. – Однако и мы их плохо знаем. Один Бог ведает, на что они способны. – Он сделал паузу. – Этот человек, что называет себя Дамианом Сентено, выглядит настоящим мерзавцем... Одним из тех, кто во время войны глумился на площадях над красными, словно речь шла о быках на арене. А ведь все это было недавно. Совсем недавно!

– Прошло десть лет.

– Для некоторых этих десяти лет не было. Война для них никогда не кончится. И дон Матиас, должно быть, один из таких людей. – Он замолчал на несколько мгновений, словно стыдясь того, что должен был сказать. – Я трижды пытался встретиться с ним, хотел рассказать правду о случившемся и объяснить, что Асдрубаль готов повиниться, если только над ним учинят справедливый суд. Однако он отказался принять меня. Велел передать, что подобные вещи словами не решаются.

– Естественно, не решаются, – согласилась Аурелия, прекратив на мгновение вытирать посуду и пристально посмотрев на мужа. – А что тут может решиться? Его сын мертв, и никто не сможет вернуть его к жизни. Я его понимаю. Я бы такого не перенесла, хотя у меня есть другие дети, а у него нет. Должно пройти время, и немало.

– Дон Матиас не тот человек, которого время сделает мягче, – возразил ей Абелай. – Скорее оно его уничтожит, сгрызет, как голодный пес кость. Оно растерзает его душу, и от этой боли он лишь сильнее разозлится. Такое часто происходит с людьми с материка: морской ветер не уносит их дурных мыслей. Они прячутся в себя, словно черепахи в свой панцирь, и позволяют страданиям грызть себя изнутри.

– Я и сама с материка, – напомнила ему жена. – Лагунера⁸, помнишь? Но я никогда не вела себя подобным образом.

– С материка? – весело улыбнулся муж. – Ты полжизни провела в этом доме, на самом берегу моря. Ты пропахла смолой и родила двух сыновей-рыбаков и дочь, которая проводит больше времени промокшей, чем сухой. С материка, скажешь тоже! Видать, океанскими ветрами тебе выдуло последние воспоминания. Скажи, сколько времени прошло с тех пор, как ты последний раз видела проливной дождь, такой, который каждый вечер идет в Ла-Лагуне?

– С тех пор, как родилась дочь.

– Шестнадцать лет уже, ты понимаешь? Мы здесь живем совсем другой жизнью, война прошла мимо нас. Войны – дело людей с материка. Нас же, людей моря, больше заботят рыбная ловля, предстоящий шторм или возможный штиль, когда обвисают паруса. Океан огромен. Никто не может его измерить. Никто не может завладеть ни единой его частицей, ибо он не признает хозяев, а тот, кто ставит на нем свою отметку, рано или поздно оказывается в пучине. Поэтому мы, когда все-таки уходим на войну, делаем это по приказу людей с материка.

– И как же все это связано с нашим Асдрубалем?

– Люди с материка не меняются, они остались такими же, какими были во время войны. Дон Матиас думает, что смерть его сына принесла в наш дом радость. Он также считает, что мы были бы рады завладеть его деньгами и виноградниками. Богатые люди, как правило, живут в придуманном мире, полагая, что мы спим и видим, как бы только урвать часть их богатства. Да на кой черт мне их земля?! Мне ненавистна сама мысль о том, что я могу быть хозяином клочка земли! По мне, так я бы все время спал в море.

Абелай Пердомо был человеком немногословным, однако в тот день он твердо вознамерился излить душу. Жена была единственным человеком, кто мог его разговорить, однако его

⁸ Жительница поселений, находящихся у лагун. Здесь речь идет о бывшей жительнице селения Ла-Лагуна.

угрюмость являлась следствием не дурного характера, а природной стеснительности простого человека, едва научившегося выводить свое имя на бумаге.

Во времена детства Абелая на Плайя-Бланка была всего лишь дюжина домов, разбросанных вдоль берега с подветренной стороны. Умение читать здесь почиталось за небывалую, сравнимую со сверхъестественной способность. Ни один юноша на острове не мог себе позволить роскоши отправиться в школу, потому что сразу же, как только мальчик вставал на ноги, он отправлялся в море помогать взрослым добывать пропитание.

Абелай помнил так ясно, словно это произошло вчера, как ему сообщили о приезде на Фемес учительницы из Тенерифе и как он чуть не лишился чувств, а баркас показался, как никогда, тяжелым, когда он увидел ее на пляже, читавшей под утренним воскресным солнцем газету, бесстыдно выставившей свои загорелые ноги.

Почти целых четыре месяца он не осмеливался произнести при ней и полудесяток осмысленных слов, и даже после стольких лет совместной жизни он иногда задавался вопросом, почему эта женщина, которая знала мир и могла бы выбрать себе мужчину под стать, посвятила свою жизнь именно ему.

Первое, что она сделала на этой земле, полюбила его, родила ему троих детей и занялась домом, а между делом научила его держать карандаш, распознавать буквы и говорить как нормальный человек, а не морское чудовище, только что выбравшееся из подводной пещеры.

– Мир – это не только рыба, ветер и снасти, – сказала она ему в тот момент, когда он в очередной раз не отваживался прикоснуться к ее руке, казавшейся ему игрушечной. – И ты должен понять это.

Что ни говори, а учеба оказалась делом долгим и трудным. Сколько раз Абелай краснел, слыша обрывки разговоров жены и собственных детей и понимая, что жена страшится того дня, когда эти молокососы вырастут и начнут стыдиться собственного отца.

Аурелия ни разу, ни единым жестом, ни резким словом не унизила его, прекрасно понимая, в какую яростную борьбу он вступил со словами, цифрами и фактами.

Абелай Пердомо Марадентро, красавец великан, был человеком грубоватым, однако душа у него была предобрейшая. Жену свою он любил почти до обожествления. Это была женщина, которая разделила с ним его простую жизнь рыбака, подарила ему троих прекрасных детей и бесчисленные ночи, когда он был вынужден кусать губы, чтобы его крики не разнеслись по берегу, перекрывая шум ветра и гул прибора.

И вот теперь один из этих детей прятался в семи милях от дома, у подножия башни, высившейся на восточном мысу небольшого острова, каковой Аурелия столько лет обозревала из окна своей кухни. А муж, ее мужчина, человек, которого никогда не пугали ни жестокие штормы, ни самые темные ночи в бушующем море, ни война, ни бесконечные засушливые и голодные годы, когда на каменистой земле хорошо росли лишь несчастья и злоба, впервые был взволнован, и виной всему были люди с материка, которых, как научила его жизнь, следовало постоянно опасаться.

– Чего они хотят?

Ответ пришел к ним на следующую ночь из уст дон Жулиана, которого Дамиан Сентено избрал посредником в своих переговорах с семьей Марадентро.

– Скажи своему куму, что мы останемся здесь до тех пор, пока не объявится его «мальчик», – приказал Сентено, потягивая ром. – И еще скажи, что нрав у моих людей крутой и нетерпеливый... – Тут он улыбнулся своей хищной улыбкой, демонстрируя острые зубки. – Порой даже я не в силах удержать их. Любой из них готов на самый отчаянный поступок... Ох уж эта девочка! Скажи родителям, что ее вранье может очень скоро стать правдой. Ты меня понял?

– Прекрасно, – ответил дон Жулиан. – Но вам не кажется, что Абелай скорее бы понял вас, поговори вы с ним лично?

– Я бы это сделал с удовольствием, – не сразу ответил Сентено. – Но у меня есть дурное предчувствие, что этот разговор очень плохо закончится. Займись я отцом, и все бы уже забыли о парне. А ведь это он, Асдрубаль, должен заплатить за то, что совершил.

– Насколько я понял, вас... или скорее того, кто вами командует, устроит лишь одно наказание – смерть.

– Глаз за глаз... Разве этот закон не так же древен, как и само человечество?

– Тогда дону Матиасу Кинтеро нужно для начала обзавестись дочерью, которую потом попытаются изнасиловать несколько парней. Из-за этого-то все и началось... – Хулиан сделал паузу. – А у вас дети есть?

– Если и есть – чего я не знаю наверняка, – то все они родились от прожженных проституток. Вокруг легионеров другие женщины не крутятся. – Он снова приложился к рому. – Да они меня никогда и не интересовали. Порядочные женщины нужны лишь для того, чтобы оседлывать настоящих мужчин.

– Вы себя считаете настоящим мужчиной?

– Можете убедиться, когда закончится это дело.

Дон Хулиан ель-Гуанче пристально посмотрел на собеседника и вознес свои мольбы к Богу, чтобы никогда только не узнать, насколько далеко простирается злоба Дамиана Сентено.

В этот же вечер он передал своему куму угрозы Сентено, впервые не прибавив от себя ни единого лишнего слова, стараясь пересказать весь разговор как можно более точно, так как желал, чтобы сам Марадентро решил, насколько опасен этот покрытый татуировками и шрамами заморыш.

Однако было кое что, чего Хулиан при всем своем желании не мог бы передать другу, – тот безотчетный страх, который внушало одно лишь присутствие бывшего легионера, и ощущение угрозы, слышавшейся в каждом его слове, сказанном так, словно человек этот привык приказывать.

А его глаза? Маленькие, черные и круглые. Они казались безжизненными, как глаза акул маррахо, когда те, оказавшись на палубе со вспоротым брюхом и разможенной баграми головой, неожиданно делали последний рывок, на секунду возвращаясь с того света, и в последний раз смыкали свои смертоносные челюсти, способные перекусить ногу зазевавшемуся рыбаку.

– Этот человек – совершенный *congrío*⁹, – завершил свой рассказ дон Хулиан. – Холодный, скользкий, изворотливый и подлый. Опасный у тебя враг, Марадентро.

Абелай Пердомо согласился с тем, что враг у него опасный, а потом ночью спать не стал. Он провел ее, сидя на ступеньках позади дома, бросая взгляды на маяк на острове Исла-де-Лобос и наблюдая за тем, как один за другим гасли огни в домах соседей. Вскоре остров окутала тьма. Горело лишь одно окно, в доме на скале, там, где поселились чужаки.

Они развесили на углах дома огромные фонари петромаксы, которые иногда рыбаки брали с собой в море. Они бездумно тратили керосин на никому не нужную иллюминацию, желая тем самым продемонстрировать свою силу жителям острова, бедным людям, зачастую вынужденным пользоваться карбидом, чтобы разжечь свои лампы. К тому же, как только наступала темнота, чужаки посылали на плоскую крышу дома вооруженного часового, и делали это весьма демонстративно.

Всем было понятно, что он специально выставляет свое оружие напоказ. Он не опасался мирных жителей поселка, напротив, хотел, чтобы они начали бояться его.

Они приехали сюда, на самый пустынный и самый отдаленный остров из всех островов архипелага, и поселились в ветхом доме, стоявшем на самом отшибе, в месте, забытом богом и почти забытом людьми. Казалось, что они завладели этим местом и теперь не уйдут до тех пор, пока не лишат кого-то жизни.

⁹ Congrio (*исп.*) – угорь.

Абелай знал, что им не нужна просто чья-то жизнь, им нужна жизнь его сына Асдрубалья, юноши с непослушными волосами, квадратным подбородком, черными глазами и геркулесовой силой Пердомо – его повторения, его воплощения. Он сильно отличался от брата с сестрой, в чьих жилах было больше крови матери-лагунеры, чем Марадентро.

Он снова окинул взглядом ночной горизонт: вдали, как и всегда, мигал фонарь маяка «Исла-де-Лобос».

* * *

Присев на корточки у маяка и укрывшись от ветра, Асдрубаль Пердомо прислонился спиной к прохладной стене и зажал руки коленями. В прежние времена он частенько так сидел, любуясь морем, но сейчас ему оставалось только в отчаянии смотреть на мигающие огни пролива Бокайна и задавать себе один и тот же вопрос: какого дьявола они устроили такую иллюминацию и как эта странность была связана с двумя огромными автомобилями, которые он видел в полдень, когда рассматривал поселение в бинокль?

Что-то странное происходило в Плайя-Бланка, куда за все то время, что он себя помнил, никогда не приезжали сразу две машины. Туда и одна-то машина наведывалась редко, и были это, как правило, полуразвалившийся, дребезжащий грузовик, один раз в неделю привозивший воду, да фургончик лоточника-турка, показывавшийся в поселке четыре раза в год.

Даже жандармы и те приходили в поселок пешком – путь их лежал по каменистой тропинке Рубикона, – разбивая сапоги о кочки и острые камни, обливаясь потом под палящим солнцем, от которого, казалось, начинали дымиться их треуголки.

Он чувствовал, что в поселке на той стороне пролива происходит что-то недоброе, и сходил с ума от ощущения полного бессилия, накатывавшего на него все чаще и чаще. Асдрубаль оказался на крошечном скалистом острове, который можно было обойти из конца в конец за десять минут. Уже сейчас он чувствовал себя заключенным, оказавшимся в камере самой страшной и самой непроступной тюрьмы в мире.

Каким же прекрасным теперь казался остров Исла-де-Лобос из этого адского места, куда привезли его совсем недавно.

Но самое страшное было то, что он оказался совершенно один. Здесь уже не было его брата Себастьяна, за которым он мог бы наблюдать, пока тот ныряет за осьминогами и меро. Не было Айзы, с которой можно было бы дурачиться в лагуне. Не было матери, стряпающей паэлью¹⁰ на камнях, и отца, задумчиво посасывающего трубку в тени навеса. Теперь лишь чайки, кролики да два осла, которых кто-то однажды оставил на острове, составляли ему компанию. В те дни, когда из Фуэртевентура на остров приплывал помощник смотрителя маяка, Асдрубаль был вынужден прятаться, забиваясь в самый дальний конец одной из самых больших балок. Ему пришлось позабыть о том, что старик на самом деле был человеком ласковым и компанейским и в прежние времена частенько наведывался в гости к Пердомо, чтобы откусать вместе с ними паэли, выпить кофе, поговорить о жизни и выкурить сигару-другую.

Когда же неделю назад на остров наведались представители Цивильной гвардии, с целью обыскать пещеры и развалины старого особняка, Асдрубаль чуть богу душу не отдал от страха. Стоило ему лишь увидеть луч фонарика, медленно ползшего по стенам руин, служивших ему убежищем, как у него ноги задрожали.

Ни одного следа он не оставил на пыльных тропах, бегущих вокруг маяка. Все время он передвигался прыжками, даже в темноте, перескакивая с одного камня на другой, и тщательно убирал все угольки, оставшиеся от костра, который был вынужден разжигать по ночам, чтобы приготовить себе еду.

¹⁰ Блюдо из риса с мелко нарубленным птичьим мясом и моллюсками, сродни плову.

Юноша был сыт по горло своим одиночеством и мучился от стыда, так как считал, что скрываться от наказания, словно закоренелый преступник, недостойно настоящего мужчины. Однако с самого детства он привык прислушиваться к родительским словам и знал, что людей в зеленой униформе бояться не следует. Но даже они не в силах будут защитить его от Матиаса Кинтеро, охваченного жадной мести.

По вечерам, когда солнце пряталось за Монтанья Роха и за соляными копиями Ханубио, бросая тысячи лучей на лысый кратер вулкана Тимафайа, он пьянел от счастья, разглядывая в бинокль каждый домик, каждую тропинку Лансароте, и боялся, что каждый раз может оказаться последним. Родное поселение было для него самым лучшим местом на земле, каждый пляж, каждый утес и даже каждая пальма пробуждали в нем сладостные воспоминания.

Белое пятно церкви Фемеса, там, наверху, где он впервые ухаживал за девушкой под звуки колокольчиков и гитар; уединенный пляж Плайя-Кемада, где некая красавица иностранка, из речи которой он не понял ни единого слова, открыла ему тайны женского тела и показала, как нужно проникать в него; утес Торреон-де-лас-Колорадас – место, где собиралась вся детвора поселка и куда они с братом прибегали дважды в неделю и устраивали битву с пиратами-берберами.

Каждое мгновение его жизни было связано с бескрайним морем, раскинувшимся у его ног, или с бесплодным, почти лишенным растительности островом, который сейчас высился перед ним во всей своей строгой красе, – и ему вдруг показалось невозможным, что кто-то может отнять у него все это, вырвать его из привычной жизни лишь потому, что он поступил как человек чести.

У него было предостаточно времени, чтобы как следует подумать о событиях, произошедших в ту проклятую ночь, во время праздника в честь святого Хуана. Но как он ни старался, так и не нашел своей вины в произошедшем. Трое незнакомцев, чьи физические возможности у него не было времени оценить, преградили путь Айзе, и у него не оставалось другого выхода, как броситься на защиту сестры. В момент, когда он заломил руку юнцу и по самую рукоятку вонзил в его живот его же собственный нож, он на самом деле не хотел его смерти. В душе у него даже не родилась ненависть.

– Это произошло случайно.

– Об этом знаем только ты да я, – ответил ему отец в последний свой визит, когда привез на остров еду. – Впрочем, возможно, что точно так же думают и другие жители поселка, однако все это неважно, ведь дон Матиас отказывается поверить в твои слова. Посему все обращается против тебя. Ты должен смириться и прятаться до тех пор, пока мы не найдем способа увезти тебя с острова. – Абелай печально покачал головой. – Мать права, только время... Много времени должно пройти, пока река не вернется в свое русло.

– Как там дон Матиас?

– Насколько мне известно, никто его не видел с тех пор, – ответил отец. – Он заперся в своем доме и, должно быть, останется там до тех пор, пока злость окончательно не сожрет его.

– Мне кажется, что я убил двоих. Сына одним ударом, а отца медленно... Очень медленно.

– Тебе следует уехать как можно дальше. Другого выхода я не вижу.

– Я уже подумывал о том, чтобы завербоваться, – признался Асдрубаль. – Уйду в плавание. Только так люди позабудут о случившемся. Дон Матиас уже стар, и, возможно, душевная боль заберет у него последние силы. Когда он умрет, дела обернутся по-другому... А что скажи жандармы?

– Они не делают выводов. Их дело – разыскать тебя и передать судье, который все и решает.

– А судья что говорит?

– Тоже ничего. Вначале ему нужно встретиться с тобой. Но, как мне кажется, судьи чаще встают на сторону мертвого, а не живого. Ни один мертвец не нуждается в большем наказании, чем то, что он уже понес.

Отец медленно положил свою сильную и тяжелую, словно молот, руку на плечо Асдрубаль, вложив в эту скупую ласку всю нежность, на какую только был способен, а потом покачал головой, отгоняя мрачные мысли.

– Я не знаю, что еще и думать обо всем этом, сынок, – добавил он. – Мое дело рыбачить и приносить в дом деньги, благодаря которым ваша мать могла бы и дальше вести хозяйство, а вы бы окончательно встали на ноги. Все, что касается законов и книг, для меня темный лес.

– Мы должны были слушаться маму и продолжать учебу, – заметил Асдрубаль. – Однако море завладело моей душой, а Себастьян, у которого голова всегда была светлой, не хотел становиться для нас обузой. Теперь уже слишком поздно. Впрочем, тогда никто и представить себе не мог, что ветры нашей жизни окажутся столь сильными и непопутными.

Абелай Пердомо слабо улыбнулся:

– Я тебя с самого детства научил хорошо ставить и опускать паруса и заходить в порт даже при встречном ветре.

– Знаю, отец. Я усвоил все твои уроки. Но море я понимаю лучше людей. В этом деле мы словно плывем над вершинами скал Фамары. Один неточный галс – и мы налетим на утес.

– Святой Марсиал защитит тебя и не позволит случиться еще одному несчастью.

Святой Марсиал, покровитель Лансароте, с давних времен считался наиглавнейшим святым семейства Пердомо Марадентро, представители которого в жизни не переступили порог ни одной церкви и не верили ни во что, кроме собственных сил и удачи. Однако стоило морю разбушеваться не на шутку, рыбе, которая вот-вот уже должна была оказаться на дне лодки, сорваться с крючка, а жаркому ветру, прилетавшему из пустыни, принести с собой облака желтой пыли, от которой задыхался весь остров, Пердомо вспоминали о своем святом покровителе.

Так они и жили: то молились и благодарили святого, то проклинали его – в зависимости от обстоятельств. Однако в последнее время для всех стало очевидно, что святой Марсиал отвернулся от семьи, и сделал это он по собственной воле, словно и его страшило появление в доме такой странной девушки, какой была Айза Пердомо.

– Живет будто и не здесь, – с горечью произнес Абелай, отвечая на вопрос сына. – Кажется, что она не знает, куда приткнуться, или не может избавиться от своих дурных мыслей даже по ночам. Бродит, словно привидение, по дому и даже кусочка хлеба в рот не берет. Но, невзирая ни на что, с каждым днем становится все красивее. От одного только взгляда на нее моя душа наполняется радостью, а сердце – страхом. Не знаю, черт возьми, к чему стремится эта девчонка!

Асдрубаль хитро улыбнулся.

– Ведь это ты ее породил, – сказал он. – Лучше бы ты эту красоту поделил на троих.

Абелай Пердомо легонько толкнул сына в плечо, от чего любой другой свалился бы с ног.

– Хорош же ты был бы с таким задом, как у Айзы! – воскликнул он. – Ох, как бы за тобой бегал корчмарь Арриета!

* * *

Если кто-то имел бы возможность посмотреть на дона Матиаса Кинтеро, так ни разу и не вышедшего за стены, окружавшие имение его предков, он бы решил, что тот превратился в мумию. Снедаемый ненавистью, он отказывался от еды, а с тех пор, как лейтенант Альмендрос ушел в свой долгий отпуск, не принимал никого, кроме Дамиана Сентено, который каждый божий день поднимался из Плайя-Бланка, чтобы рассказать патрону о том, как идут дела.

Больше он уже не сидел под перголой у крыльца и не любовался закатом над Тимафайа, а тихо ждал наступления вечера, запершись в красной зале с изъеденными молью шторами. И только тогда, когда последний солнечный луч уползал за горизонт, уступая место тысячам звезд, он выходил во двор или в сад и бродил там, словно неприкаянный дух, блуждающий среди ночных теней.

Рохелия Ель-Гирре, которая многое знала о тенях, ибо сама всю жизнь была не более чем тенью настоящей женщины и наваждение это не рассеивалось даже в знойный полдень, часами стояла у окна за опущенными жалюзи и все ждала, не раздастся ли выстрел. Она ужасно боялась пропустить эту занимательную сцену, ей хотелось видеть, как мозги проклятого старика, который унижал ее столько лет, разлетятся по саду.

Все давно уже было готово: были выбраны тайники для серебряной посуды; подделаны, пока еще без проставления даты, чеки, которые с неопишным хладнокровием она крала все эти годы, и надежно спрятаны на дне одного из сундуков дубликаты ключей от сейфа. Как же ей не терпелось, как хотелось, чтобы поскорее пришло то время, когда ее самая сильная, самая сокровенная мечта осуществится – ее хозяин решится наконец убить себя, и единственным свидетелем произошедшего будет она.

– Он не умрет! – раз за разом повторял ее муж Роке Луна, который всегда был ужасным пессимистом. – Хоть ты с ним и спишь, я-то его знаю намного лучше. Этот проклятый старик не окочится, пока не увидит труп Асдрубалья Пердомо изрубленным на куски. Жажда мести удерживает жизнь в его теле, а так как он почти уже и не живет, а жажда его сильна, то он протянет еще долго.

– Ты считаешь, что сержант все-таки сможет убить парня?

– Сентено? – переспросил он. – Несомненно. Дону Матиасу доставляет удовольствие говорить о войне, и он частенько рассказывал мне об этом Дамиане Сентено, самом злом и бесчестном мерзавце из всех, что только бывали в Терсио. Когда он вернулся из России, то даже легион не мог справиться с его буйным нравом. В итоге произошла какая-то заваруха, за которую его и выгнали из легиона, и он четыре года провел в тюрьме. Но что бы там ни было, старик его обожает – помогал ему все эти годы и поддерживал с ним дружбу, где бы тот ни находился. – Словно для того, чтобы придать еще больше веса своим словам, Роке Луна потрянул головой. – Старик знает, каких нужно подбирать себе людей. Этот Сентено однажды вручит ему игральные кости, вырезанные из черепа Асдрубалья.

– Когда?

– Как только выследит, будь спокойна. Дамиан Сентено, будто хорек, который не спешит до тех пор, пока не обнаружит нору своей жертвы. Тогда он немедля набрасывается на нее и одним-единственным укусом перегрызает хребет. Как только Марадентро вылезет из той щели, в которую он забился, на свет божий, он тут же умрет.

– Его отец приходил сюда. Он хотел поговорить со стариком. Мне не показалось, что его легко запугать.

– Я и его хорошо знаю, – согласился Роке Луна. – Чтобы справиться со старым Пердомо в открытом бою, понадобятся двое таких, как этот Дамиан Сентено. Но у Абеля нет и одной десятой доли злости, что живет в Сентено. Чем сильнее яд, тем меньше мензурка. А Дамиан Сентено – это чистейший яд.

– Но он не защищает своего сына.

– И это тоже играет в его пользу. Он станет думать головой, а не сердцем, и в этом будет его преимущество.

Однако у Рохелии Ель-Гирре были насчет Сентено кое-какие сомнения. Время тянулось для нее бесконечно долго, и она никак не могла дожидаться наступления того часа, когда все это богатство, среди которого она жила с тех пор, как помнила себя, но которое ей никогда не принадлежало, перейдет в ее руки.

Ее жизнь всегда была связана с семьей Кинтеро, и она видела, как род этот постепенно тает, словно гигантская сахарная голова, попавшая под дождь. В те моменты, когда она смотрела на последнего в роду Кинтеро, бродящего, словно привидение, по спящим виноградникам, она с удовольствием перебирала в уме имена тех, кто уже сгинул в небытие, в то время как она, Рохелия, самая худая и самая слабая, с самого рождения страдавшая такой сильной чахоткой, что никто не дал бы за ее жизнь и песеты, продолжала и по сей день вертеться как веретено и вот-вот должна была стать хозяйкой усадьбы.

– Да будет благословен Асдрубаль Марадентро! – часто шептала она. – Этому недоноску, который так часто развлекался за мой счет, хватило одного твоего удара. Теперь он больше не будет пачкать мои волосы своим грязным семенем, а этот мерзкий вонючий старикашка, его отец, скоро отправится вслед за своим вырождением.

Не раз в те дни, когда дон Матиас Кинтеро по вечерам отказывался от еды и лишь иногда выпивал стакан молока с взбитым яичным желтком и немного коньяку, тем самым подерживая жизнь в своем немоющем теле, у нее возникало желание добавить в сахар ложечку мышьяка. Однако останавливали ее не угрызения совести, а страх перед неминуемым разоблачением и наказанием. Посему она предпочла, как и прежде, терпеливо ждать.

Правда, она была больше чем уверена в том, что дон Матиас знал ее настолько хорошо, что угадывал самые тайные ее мечты, знал о самых потаенных ее замыслах... Знал, но ни слова не говорил, не пытался хоть как-то ей воспрепятствовать. И эти мысли порой отравляли ей существование.

Впрочем, волновалась Рохелия не зря, ибо судьба ее решилась еще во время первого визита Дамиана Сентено. С того момента, как он переступил порог усадьбы, не прошло и получаса, а дон Кинтеро уже выложил перед ним свои карты:

– Если ты покончишь с этим сучьим вырождением, который убил моего мальчика, я сделаю тебя наследником. Ты станешь настоящим богачом, если сумеешь передавить горло Рохели и заставить ее вернуть все, что она наворовала у меня за все эти годы. Она и вправду похожа на птицу, но вместо Гире¹¹ ее следовало бы назвать Уррака¹² из-за ее неугасимой страсти к воровству.

С этого самого момента Дамиан Сентено стал считать себя хозяином большого дома и виноградников Мосаги, так как ему казалось, что покончить с Асдрубалем будет не слишком сложно, а капитан Кинтеро не стал бы обещать ему того, чего не смог исполнить, ибо знал, что его старший сержант не из тех людей, с которыми можно безнаказанно шутить.

Когда разговор был окончен и дон Матиас передал Сентено все необходимые ему сведения и толстую пачку денег на первые расходы, сержант вышел из мрачного дома и, стоя на крыльце, долго смотрел на раскинувшееся у его ног имение, где каждая виноградная лоза была заботливо посажена в ямку, присыпанную гравием, и окружена защищавшей ее от ветра полукруглой каменной стенкой. Открывшуюся перед ним картину можно было бы сравнить с лунным пейзажем.

Он подошел к человеку, который с необычным спокойствием ремонтировал разрушенную ветром стенку, и сделал широкий жест рукой.

– Как вы управляетесь со всем этим, как поливаете? – спросил он. – Не вижу ни одной оросительной канавы, а как мне сказали, на этом острове годами не бывает дождей.

– А мы и не поливаем, – ответил Роке Луна, приподняв одною рукой сомбреро, в другой он держал кусок лавы. – Эти растения почти не нуждаются в воде.

Дамиан Сентено посмотрел на него тем самым своим тяжелым взглядом, который, казалось, еще немного – и буквально раздавит собеседника, словно огромный камень.

¹¹ Guirre (*исп.*) – вентилятор.

¹² Urraca (*исп.*) – сорока.

– Всяким растениям нужна вода, – уверенно произнес он. – Иначе бы и Сахара зазеленела.

Роке Луна наклонился, взял горсть черного гравия, покрывавшего поверхность земли, и протянул его Сентено, высыпав тому в открытую ладонь.

– Это пикон, – сказал он, – вулканический пепел. Ночью он впитывают влагу из воздуха, а потом передает ее земле. Днем же он защищает землю и не дает влаге испаряться. – Роке Луна слегка улыбнулся, так, словно это чудо происходило исключительно благодаря ему. – Таким образом мы и выращиваем виноград. Достаточно всего лишь одного дождя, чтобы урожай был хорошим.

Дамиан Сентено пристально посмотрел в глаза Роке Луна, а затем, помяв в ладони пикон, снова окинул взглядом виноградники и величественный дом, который вскоре должен был стать его домом. Здесь он наконец-то сможет пустить корни, и это после стольких лет скитаний, когда его единственным имуществом были лишь жалкий матрац, кособокий чемодан да пара комплектов поношенной униформы.

– Сколько бы лет тебе ни было, всегда следует учиться новым вещам, – важно произнес он. – И всегда полезно их применять на практике...

Затем, не торопясь, он направился к такси, такому старому, что казалось, оно вот-вот развалится, и спросил водителя, коротавшего время в тени каменного забора:

– Сможете подбросить меня до Плайя-Бланка?

– Смочь-то смогу, – ответил тот. – Но от Уга вниз ведет эта проклятая каменная дорога. Если у меня лопнет ось, вам придется за это платить. – И он пожал плечами, как бы извиняясь за свои слова. – Вы же понимаете, что иначе поездка для меня не окупится. Там ведь настоящий ад, на этой дороге.

Через окно просторного салона, устроившись в огромном кожаном кресле, которое то становилось больше, когда он приподнимался в нем, то сжималось, когда он в него опускался, дон Матиас Кинтеро смотрел, как автомобиль удалялся в сторону дороги, извивавшейся между лавовых потоков и ведущей напрямик к Аду Тимафайа, и впервые после той проклятой ночи, когда погиб его сын, он испытал нечто сродни покою.

Когда Асдрубаль Пердомо будет мертв, возможно, жизнь снова станет достойной того, чтобы ее прожить, а он прекратит страдать от невыносимой боли, грызущей его душу, и снова с удовольствием сыграет партейку в домино со своими старыми друзьями и выпьет стакан хорошего рому, отведаст поджаренного на огне барашка и даже насладится ласками одной из тех проституток, которые недавно прибыли в Арресифе и о которых он столько слышал во время последних вечеринок.

Потом он прикажет Дамиану Сентено прижать Рохелию к стенке и заставить ее вернуть все, что она успела наворовать, а затем подыщет новых людей, чтобы те занялись его кухней и домом, а сам переложит груз хозяйственных забот на того, кто в течение всех этих лет хранил ему верность.

То, что все имущество после его смерти перейдет в руки Сентено, дон Матиаса не волновало. После смерти последнего в роду Кинтеро из Мосаги дом, виноградники, инжировые деревья, мебель, серебряная посуда и даже драгоценности могут катиться ко всем чертям, ибо все, кто мог потребовать у него объяснений, уже давным-давно покоились в своих могилах.

Единственное, чего требовали их души, так это мести за коварно пролитую кровь Кинтеро. И он был намерен отмстить, чтобы потом спокойно воссоединиться со своей семьей.

* * *

После полуночи загорелся чей-то баркас.

Он стоял рядом с другими, также вытасненным на песок подальше от волн и надежно установленными на башмаки, в ожидании, когда его столкнут в море... И вдруг ни с того ни сего превратился в пылающий факел, от которого в ночное небо разлетались пылающие искры, разносимые в стороны несильным восточным бризом и угрожавшие рядом стоящим лодкам.

Весь поселок спал. Спали даже собаки. И только тогда, когда жена трактирщика, жившая поблизости, проснулась и закричала, зашумели и мужчины и, перепуганные со сна, бросились спасать баркас, таща с собой ведра и тазы, доверху наполненные водой, выстраиваясь в цепочку, ведущую от моря к поселку. Они кричали, сыпали проклятиями, падали на песок и тут же вскакивали на ноги...

Тушили баркас недолго. Спустя каких-то десять минут вода победила огонь. На берегу осталась толпа испуганных столь неожиданно пришедшей бедой людей, подпаленные баркасы да некогда красивая новая шаланда «Ла Дульсе Номбре», превратившаяся теперь в дымящийся почерневший остов.

Были здесь еще десять или двенадцать баркасов и три тяжелых карбаса, которые использовались для перевозки соли с побережья на парусники, стоящие на рейде в каких-то двухстах метрах от берега, однако, судя по всему, жертвой должна была стать именно «Ла Дульсе Номбре». Лодка, за которую еще совсем недавно Торано Абрео отдал все, что ему удалось скопить за долгие годы труда, превратилась в пепел.

Торано Абрео, его жена и их дети остались стоять среди людей словно громом пораженные, все еще не веря в случившееся. Ужас сковал их, ведь на Плайя-Бланка, острове и без того нищем, рыбак, не имевший собственного баркаса, не смог бы прокормить и жену, что уж говорить о семье из пяти ртов.

– Возможно ли?.. Как же это?.. – вновь и вновь повторяли люди. – Когда мы отправлялись спать, все было спокойно, а спустя два часа вспыхнул огонь.

– Может, оставил непотушенный окурок?

– Торано не курит. Он бросил курить, чтобы расплатиться за баркас.

– Может, кто-то гулял по пляжу?

Все строго посмотрели на Исидоро, трактирщика, сказавшего эти слова.

– Хочешь сказать, кто-то из поселка? – с нажимом спросил дон Хулиан. – Мы все с детства приучены бросать окурки в море. К тому же все мы знаем, каких сил стоило Торано выкупить этот баркас.

– Я и не говорю, что это был кто-то из наших, – стоял на своем трактирщик. – Я знаю, что никто из здешних такого бы не сделал.

Больше в объяснениях не было нужды. Каждому на ум пришли шестеро чужаков, которые равнодушно наблюдали за пожаром из своей «крепости» на горе.

– Но почему Торано? – задал вопрос беззубый старик. – Почему не Абелай Пердомо, ведь это он их интересуется? Мы все знаем, что эти люди приехали из-за Асдрубалья. Ты-то им что сделал, Торано?

– Ничего, – ответил дон Хулиан строго. – Сам-то он ничего не сделал, но он живет в поселке...

– Ты хочешь сказать, что мы все должны теперь расплачиваться за поступок Асдрубалья до тех пор, пока он не вернется? – раздался чей-то встревоженный голос.

– Я ничего такого не сказал, – последовал ответ. – Даже не подумал. Однако все это очень странно.

– Вышвырнем их отсюда! – предложил старик. – Разве за годы спокойствия мы превратились в трусливых крыс? Ведь их только шестеро.

– А у тебя есть оружие, чтобы вышвырнуть их? – задал вопрос трактирщик уничтожительным тоном. – Трое из них мне уже показали свои пистолеты. И я уверен, что они неплохо умеют с ними обращаться.

– Я был на войне, – подал голос брат дона Хулиана.
– Интендантом! А я чистил картошку на военной базе. Так что не выпендривайся!
– Завтра я поднимусь в Фемес и поговорю с жандармами из Цивильной гвардии.
– Извини, Марадентро, – решительно прервал его сын Сеньи Флориды. – Цивильная гвардия только тогда станет тебя слушать, когда ты скажешь, где прячешь своего сына. О чем еще тебе с ними говорить? О том, что сгорел баркас? Так тебя отправят к пожарникам. У нас нет доказательств, что это сделали чужаки. – Он обвел пристальным взглядом всех присутствующих. – Ни одного доказательства.

Абелай Пердомо прекрасно понял смысл сказанного. Он помолчал немного, а затем решительно направился туда, где Торано Абрео неподвижно стоял, не сводя остекленевшего взгляда с обгорелого остова «Ла Дульсе Номбре».

– Бери мою барку, пока мы не поможем тебе купить другую, – сказал он. – Я же управлюсь с «Исла-де-Лобос». В конце концов, в случившемся нет и капли твоей вины.

– Я их убью! – процедил несчастный, впервые открыв рот с тех пор, как все началось. – Я их перебью по одному. Это были они.

– Не говори глупостей! – ответил ему Пердомо, положив руку ему на плечо. – Подумай о жене и детях. Моей барке уже немало лет, но она даст фору любой новой лодке. А я подыщу способ компенсировать тебе потерю.

– Кто бы мог подумать, что наш остров когда-нибудь станет страдать от чужаков. Я недоедал в течение трех лет, чтобы купить эту лодку, я не выпил ни рюмки, не выкурил ни одной сигареты... Ты же знаешь, что они ни в жизнь не заплатят.

– Знаю, Торано, однако зло уже свершилось. Не порти себе кровь. Они пришли сюда из-за меня, и они – мой страх и моя забота.

Торано ответил не сразу. Он подошел к остову своего баркаса, медленно провел ладонью по форштевню, единственной части, которая не пострадала от огня.

– Она так легко ходила! – воскликнул он, чуть не рыдая. – Была такой маневренной и так хорошо принимала ветер. Казалось, она знает, куда идти, чувствует места, где будет самый хороший лов, казалось, что она пела, когда возвращалась домой... У меня никогда не было подобной барки... Никогда!

Как же можно было утешить человека, который любил свою барку так же сильно, как и своих детей?

Возвращаясь домой, Абелай Пердомо признался себе, что Дамиан Сентено сумел точно рассчитать первый удар, и он уже не сомневался, что тот не промахнется и во второй раз. Он наверняка наблюдал за происходящим в свою позолоченную подзорную трубу, и, должно быть, все его внимание было сосредоточено на пылающем баркасе, который его хозяин лелеял, словно малого ребенка. Торано Абрео шел к своей лодке тогда, когда остальные рыбаки еще спали или коротали время в таверне.

– Начинаю понимать твою игру, – тихо произнес Абелай, будто Дамиан Сентено мог услышать его. – Ты будешь вредить людям до тех пор, пока не вынудишь их выбрать, пока наконец кто-нибудь из них не выдаст моего сына...

Убежище Асдрубала было хорошо скрыто от людских глаз, и никто из семьи Пердомо и словом не обмолвился о том, где он мог прятаться. Однако Абелай не строил иллюзий на сей счет и понимал, что односельчане если еще и не начали догадываться, то вскоре обязательно догадаются, где именно схоронился его сын. На остров Исла-де-Лобос указывала быстрота, с которой он бежал. Да и всем было хорошо известно о любви, которую питали Марадентро к этому каменистому клочку суши. К тому же все знают: хочешь что-то спрятать – положи на виду. А остров Исла-де-Лобос был хорошо виден практически с любой точки Плайя-Бланка.

– Ему нужно уходить, – сказал Абелай, когда вся его семья собралась вокруг кухонного стола за крепким и горячим кофе, только что приготовленным Аурелией. – Каким бы удален-

ным ни было место, в котором он прячется, если эти свиньи возьмутся искать его на маяке – они его найдут. Он должен уходить, – повторил он, а затем обратился к Айзе: – И ты тоже.

– А я почему?

– Потому что рано или поздно они доберутся и до тебя. Сентено уже озвучил свои намерения. Он прекрасно знает, что, причинив тебе зло, он нанесет нашей семье сокрушительный удар. Когда-то давно я оказал Руфо Гера одну услугу, и теперь он у меня в долгу. Хотя за подобные услуги стыдно просить расплаты, но ситуация складывается таким образом, что он меня поймет и не осудит. В его доме никто не станет искать тебя, да и жандармам до тебя нет никакого дела.

– А как же Асдрубаль?

– Он мужчина. Он переждет на Тимафайа, пока какой-нибудь рыбак, питающий к нашей семье дружеские чувства, не увезет его с острова. Если ему удастся добраться до рыбных промыслов Мавритании, оттуда он сможет перебраться в Сенегал, а там уже найти способ переправиться в Америку... – Абелай сделал паузу. – В конце концов, многие уехали туда, лишь бы спастись от голода. Кое-кто даже нашел там свое счастье. – Он одним глотком допил свой кофе и сказал тоном, не требующим возражений: – Может быть, такова его судьба.

– Наверное, мне тоже придется уехать в Америку, – тихо сказала Айза. – Я уже никогда не смогу жить здесь спокойно.

– Потерять двоих детей одновременно – это уж слишком, – так же тихо ответила Аурелия. – К тому же твой отъезд посчитали бы своего рода признанием вины. – Она убрала волосы с лица дочери, как делала это еще в детстве, а затем слегка погладила ее по щеке. – Я согласна с твоим отцом. Тебе действительно следует ненадолго уехать, но потом ты вернешься в свой дом, к своей семье, и тогда все встанет на свои места.

– Ничто и никто уже не станет прежним, мама, и ты хорошо это знаешь, – ответила Айза. – Скажи же ей, отец! Скажи ей, чтобы не мечтала... Наша семья рухнет по моей вине! Скажи ей, что уже ничего нельзя вернуть.

– Почему же по твоей вине, дочь? Я знаю, что ты ни в чем не виновата.

– Если бы в ту ночь я вела себя спокойно и молчала, вместо того чтобы танцевать и веселиться, словно девица легкого поведения, ничего бы не произошло.

– Ты делала то, что делают все девушки в твоем возрасте. Эти парни все равно поступили бы так, как поступили, даже если бы ты хранила молчание. – Голос Аурелии Пердомо звучал теперь намного более твердо и строго, чем обычно. – Настало время тебе перестать стыдиться собственного тела. Если Бог наградил тебя им, то тебе не остается ничего другого, как поблагодарить Его. Любая другая женщина была бы счастлива быть похожей на тебя, а ты нос воротишь. Прекрати горбиться, словно ты столетняя старуха, хватит смотреть в землю, будто у тебя косоглазие. Ты не виновна в том, что остальные женщины рождаются или слишком худыми, или слишком толстыми, что у кого-то слишком длинный нос, а у другой – слишком большая голова... Я в муках родила тебя такой, какая ты есть, и хочу, чтобы ты собой гордилась.

– Но это очень нелегко, мама.

– Уверяю, намного трудней ковылять по земле, словно у тебя ноги парализованы, и носить на своем лице ведьмин нос. А ведь Асумара живет со всем этим. – Она брезгливо покачала головой, давая понять, что эта тема уже успела ей порядком надоесть. – У нас и без того достаточно проблем, чтобы ты еще докучала нам своими глупостями.

– У меня тоже достаточно проблем, мама.

– В таком случае избавься от них и начни вести себя как настоящая женщина! В твоём возрасте моя мать уже была замужем, а годом позже уже родила меня, чуть не умерев при родах.

– Если будешь ей приводить такие примеры, то не думаю, что ей захочется стать наконец-то женщиной, – оборвал мать Себастьян, до этого хранивший молчание. – Однако, как бы то ни было, ты права: дело это не из легких и будет еще больше усложняться. Посему настало

время забыть о мелких проблемах и сосредоточиться на главном. Как мы увезем ее отсюда так, чтобы никто не заметил?

– Мы поступим так, как поступали и раньше, – ответил ему отец. – Который сейчас час?

– Двенадцать минут третьего.

Абелай Пердомо вышел за дверь кухни и внимательно посмотрел на небо и на море. Ему понадобилась всего одна минута, и он, возвратившись, сказал:

– После четырех задует северо-восточный ветер. Приготовь свои вещи, Айза. А ты, Аурелия, мешок с едой и один гаррафон воды. Как только погаснут огни, всем сидеть тихо! Себастьян, пойдём, поможешь мне.

Час спустя, когда поселок снова погрузился в сон, а до того момента, когда усталые после беспокойной ночи люди начнут просыпаться, чтобы выйти в море на промысел, оставалось еще достаточно времени, три тени бесшумно преодолели десять метров, отделявших дом Пердомо от моря, и тихо поплыли, толкая перед собой грубо связанный из кусков пробкового дерева и пустых бутылок плотик.

Разглядеть их было невозможно, как ты ни старайся, как ни напрягай глаза. Ущербный месяц был едва ли не тоньше ниточки и терялся среди тысяч ярко сиявших на ночном небе звезд, поэтому уже в пяти шагах никого не было видно.

Даже беглецам стоило немалого труда разглядеть силуэт «Исла-де-Лобос», стоящего на рейде примерно в трехстах метрах от берега. Оказавшись в проливе Бокайна, они обязательно бы промахнулись, если бы Айза не услышала голос деда Езекиеля, зовущего ее с подветренной стороны.

– Туда, – тихо произнесла она, медленно поворачивая, и через пять минут все уже были на борту баркаса, дрожа и стуча зубами.

– Вытрави конец бакена и позволь лодке идти самой! – приказал Абелай Пердомо, почти прижавшись губами к уху сына. – Накатом волны нас отнесет в пролив, и через полчаса мы можем без страха поставить паруса. Тогда пусть нас видят. Вытрись и спустись за фоками, – велел он дочери. – Будет лучше, если станем держать несколько парусов наготове.

Марадентро хорошо знали море и свой баркас. Спустя пятнадцать минут лодка, подгоняемая ветром, который начал дуть, пробуждая ото сна море, баркасы и рыбаков, находящихся в своих постелях, взяла курс на мерцающий мягким светом маяк острова Исла-де-Лобос.

Баркас в чьем скрипе можно было при желании различить едва уловимый шепот, разрезал волну, наслаждаясь упругостью парусов, натянутых на его старых мачтах. Уже и сосчитать было нельзя, сколько раз он бороздил пролив Бокайна, и теперь он весело, словно доброго друга, приветствовал каждую подводную скалу, а та эхом отвечала ему, будто рассказывала о делах старых знакомых.

Ни один даже очень слабый огонек не светился на палубе, и «Исла-де-Лобос» походил на призрак, темной ночью поднявшийся из морской пучины. Перед его форштевнем таинственно сияла вода – это светился поднявшийся к самой поверхности планктон. Однако человеку несведущему могло показаться, что это звезды отражаются в морской глади, а нос баркаса, разрезающий волны, разбивает эти отражения на миллионы крошечных осколков.

Айза Пердомо прислонилась к борту и, изредка посматривая на мужчин, старалась не упустить из виду мерцающую точку на вершине маяка. Внезапно она ощутила присутствие рядом с собой человека, которого всегда очень любила и которого считала близким себе по духу. Она поняла, что это дед Езекиель плыл вместе с ними, хотя на этот раз он не был так беззаботен и весел, как в другие ночи.

Она оглянулась, но не увидела деда, и это очень ее удивило, ибо с детских лет она твердо усвоила, что ушедшие в мир иной никогда не предстанут перед ней в часы бодрствования. Они являются лишь в моменты, предшествующие снам, когда трудно бывает определить границы между действительностью и фантазией.

Только под утро, когда она вот-вот должна была открыть глаза, однако все еще находилась в объятиях дремы, набежавший ветерок рассказывал ей о том, с какой силой собирается дуть на сей раз, а дед говорил, придут ли к берегам острова тунец, макрель или сельдь и где именно следует их ловить.

Но сейчас она знала, что, хотя дед Езекиель и не произнес ни слова и даже не предстал перед нею, он находится рядом и, случись такая необходимость, подправит руль, ибо никто лучше него не знает особенности течения и изгибы пролива.

Тут вдруг она отчетливо увидела деда: он сидел на своей любимой каменной скамеечке и, устало откинувшись на каменную стену, глядел на снующие в разные стороны по широкому проливу паруса. Лодки плавали слишком далеко, и невозможно было различить, где чей баркас, но он узнавал манеру ловить ветер и выполнять галсы и мог безошибочно указать на любую лодку.

– Таких моряков, как в мои времена, уже нет! – обычно повторял он. – Эти дерьмовые машины все только портят. Все до того развращены моторами, что даже такой баркас, как мой, при попутном сирокко не смогут подогнать к Арресифе.

Приятно было ощущать присутствие старика на борту даже тогда, когда он был встревожен и озабочен, и впервые после той кошмарной ночи в душе Айзы родилась надежда на благоприятный исход дела. Возможно, их семья когда-нибудь снова соберется вместе.

Они вошли в спокойные воды бухточки, защищенной громадой кратера спящего вулкана – единственной вершиной небольшого острова, – и Абелай Пердомо, знавший как свои пять пальцев эти места, обогнул остров и взял курс к мысу, где стоял маяк.

– Опускай грот! – велел он сыну, внимательно следившему за маневрами лодки. – Продолжу на фоках.

Айза помогла брату собрать бизань а затем и бросить якорь, который ушел в воду, как только баркас подошел к выступу напротив высокой башни и встал так, чтобы луч маяка, шаривший по горизонту, прошел над ним.

Спустили фоки, и лодка закачалась на низких, мерно накатывавших волнах примерно в двухстах метрах от берега.

– Пойду отыщу своего брата!

Себастьян скинул с себя одежду, бросился в воду и поплыл, сильно загребая руками, к берегу.

Они услышали, как, едва выбравшись на берег, он позвал Асдрубалья и тот тут же ему ответил. Потом братья недолго о чем-то поговорили, прежде чем оба вошли в воду.

Они неторопливо проплыли плечом к плечу расстояние, отделявшее баркас от прибрежных камней, и наконец-то забрались в баркас. Асдрубаль, едва ступив на палубу, сразу же бросился обнимать сестру, с которой не виделся с той самой ночи, когда произошло несчастье.

Абелай Пердомо не дал им, впрочем, времени как следует друг друга поприветствовать. Он тут же приказал ставить все паруса, с которыми только мог справиться старый баркас, и, как только якорь улегся на свое место, он развернул лодку и взял курс в открытый океан, зная, что, прежде чем забрезжит рассвет, они как раз успеют пройти между двумя большими островами.

Ночь в очередной раз проиграла схватку с солнцем, когда они проскочили между Плайя-Бланка и мысом Печигера и, пройдя так три мили, переложили руль на правый борт, позволив баркасу набрать скорость.

Спустя три часа, под защитой легкого тумана, превратившего берега острова Фуэрте-вентура в расплывчатое, едва заметное пятно и полностью скрывшего даже самые высокие вершины Лансароте, Абелай Пердомо попросил сыновей спустить паруса и положил баркас в дрейф, позволив ветру и течению медленно нести их к югу.

Теперь пришло время ждать.

* * *

Дамиан Сентено грубо выругался. Они не подумали о том, что Пердомо Марадентро может столь стремительно отреагировать на их вызов.

Как только часовой, пришедший разбудить его, сообщил, что баркас «Исла-де-Лобос» исчез с причала, Сентено поднялся на плоскую крышу и, прильнув к окуляру подзорной трубы, стал внимательно, миллиметр за миллиметром, осматривать линию горизонта. Впрочем, он понимал, что дело это успехом не увенчается, ибо враг его был кем угодно, только не дураком, и первое, что он сделал, так это убрался как можно дальше от острова.

Затем он перевел взгляд на берег, где толпились жители деревни, большинство из которых не вышли на утренний промысел, даже несмотря на то, что море было спокойным, а ветер – благоприятным. Все они собрались вокруг почерневшего остова «Ла Дульсе Номбре». По тому, как они поглядывали в сторону дома Сеньи Флориды, Сентено тут же понял, что они уже вычислили поджигателей.

Не оборачиваясь, он позвал Хусто Гаррига, выходца из провинции Аликанте, который вот уже долгие годы был его правой рукой.

– Возьми трех человек, спустись вниз и узнай, что они говорят, – приказал он. – Ни в чем не признавайтесь и ничего не отрицайте, но сделайте так, чтобы они поняли – мы сюда пришли не шутки шутить. Да, и приведи ко мне дона Хулиана!

Затем он уселся на выступ стены и закурил сигарету, приготовившись насладиться предстоящим спектаклем. От его внимательного взгляда не укрылась нервозность местных жителей и злость, которая родилась в их сердцах сразу же, как только они увидели четырех чужаков, решительно к ним приближающихся.

Торано Абрео попытался было кинуться на своих обидчиков с кулаками, однако трактирщик Исидоро и еще два человека удержали его, напуганные огромными пистолетами, болтавшимися на поясах Хусто Гаррига и худого лысого типа, по прозвищу Мильмуертес.

Дамиан Сентено прекрасно знал, что на самом деле открытое ношение оружие может стать причиной серьезных проблем с Цивильной гвардией, которая в то время являлась единственной властью, известной на острове, однако полностью доверял слову Матиаса Кинтеро, пообещавшего держать жандармов подальше от Плайя-Бланка.

– Я хорошо знаком с правительственным делегатом, – сказал он. – Мне известно, каким путем он получил свои земли и особняк в Тегисе, и он знает, что я это знаю. Стоит мне поговорить с друзьями из Мадрида, и его карьера полетит к чертям. Посему он пообещал мне попридержать своих людей. Каждому свое!

Разговор между людьми Сентено и жителями острова был недолгим. Большинство из местных удалились в сторону таверны или разошлись по своим домам, будучи убежденными, что Хусто Гаррига и его компания способны применить оружие, если их к тому вынудить.

Увидев, что двое из его людей возвращаются, ведя с собой дона Хулиана, Дамиан Сентено спустился вниз и встретил его прямо на крыльце, чтобы островитяне, наверняка следившие за ним из своих окон, могли хорошо все видеть.

– Где твой кум? – не здороваясь, спросил он. – Как это ему удалось так быстро скрыться?

– Я не думаю, что он убежал, – ответил Хулиан, сиюсь сохранять спокойствие. – Возможно, он вышел на промысел или решил спрятать свой баркас в надежном месте. Никому ведь не хочется, чтобы сожгли его лодку. Это самое страшное преступление, которое только может быть совершено в наших краях.

– Думаю, убийство незащитного юноши – преступление намного более ужасное.

– Как сказать... Есть категория людей, которые только и делают, что бродят в поисках смерти.

– Это что, угроза?

– Я никогда никому не угрожаю. Здесь живут мирные люди, которые во всем слушают свою совесть. Что бы ни случилось...

– Будем надеяться, что так, – тихо ответил Сентено. – Война вам не подходит. Зато мои люди прямо-таки рождены для нее.

– Мы это уже поняли. Но в чем виновен бедный Торано? Его даже не было в Плайа-Бланка в ночь святого Хуана. Он выходил на промысел.

– Кто такой Торано? Тот, чья барка сгорела? Скажите ему, что я сожалею. Однако он мог бы быть более осторожным. А может, всему виной его друзья? – Сентено пристально посмотрел Хулиану в глаза, пытаясь понять, осознал ли тот смысл сказанного. – Пусть он лучше объяснит своим соседям, что тот, кто покрывает преступника, нарывается на крупные неприятности. – На губах Дамиана заиграла злая усмешка. – Я понимаю, что с этим трудно смириться, однако заявляю, что никто – повторяю, никто – не будет жить спокойно на этом острове до тех пор, пока не объявится Асдрубаль Пердомо. Вы меня поняли?

– Я это понял в тот день, когда вы ступили на нашу землю, – ответил дон Хулиан, голос которого слегка дрожал от едва сдерживаемого возмущения. – Это вы никак не хотите понять. Асдрубаль не настолько глуп, чтобы вернуться сюда из-за человека, который поджигает баркасы, вернуться в место, где его непременно убьют. Мы организовали сбор пожертвований и, работая вместе, скоро купим Торано новый баркас. Но и целый остров не сможет воскресить Асдрубаль, если его зарежут, посему никто не хочет его возвращения. Подумайте над этим. Когда придет время и вас и ваших друзей станут есть черви, Плайа-Бланка будет жить своей жизнью, как и прежде, как одна большая семья. Иногда, конечно, и у нас случаются ссоры, однако семья она на то и семья, чтобы вместе преодолевать все беды и невзгоды. И я с гордостью стану рассказывать своим внукам, как мы все вместе купили баркас Торано Абрео. Но я лучше умру, чем стану рассказывать им о том, как мы предали одного из наших братьев. Вы меня поняли?

– Отлично понял. Но вы еще меня не знаете.

– А вы нас. Ведь нам всем вместе легче узнать, что вы за человек, чем вам проникнуть в душу целого селения.

– Вы что, хотите рискнуть и стать героями?

– Вовсе нет! – твердо ответил дон Хулиан. – Но мы не желаем, чтобы кто-то ходил по нашей земле и пытался нас напугать. Мы люди моря. Кое-кто из нас пережил сто штормов, а другие по три раза в жизни тонули. Большинство из нас тоже были на войне, однако мы не считаем это ни профессией, ни поводом для гордости. – Он ткнул в собеседника узловатым, покрытым мозолями указательным пальцем. – Хочу дать вам один совет. Раскройте хорошенько глаза и осмотритесь вокруг. Здесь очень переменчивые ветры, и если загорится еще один баркас, не ровен час, как пламя перекинется и на этот дом. Крыша здесь старая и вспыхнет, словно ее керосином облили. – С этими словами он развернулся, чтобы уходить. – А сейчас я должен идти. Я не могу терять целый день за пустыми разговорами. Да и Айза Пердомо утверждает, что именно на этой неделе повалит тунец...

Дамиан Сентено смотрел, как дон Хулиан не спеша спустился к берегу и зашагал к своему баркасу, и на какое-то мгновение в его душе поселился если не страх, то сомнение. Запугать людей, заставить их грызться друг с другом – эта тактика хорошо работала во время войны, когда повсюду царили ненависть и страх. Однако с такими людьми, как эти, с людьми, которые каждый день рисковали жизнью, каждый час бросали вызов стихии, способной сокрушить горы и стереть с лица земли целые острова, и изо дня в день одерживали над нею верх, надо было вести себя по-другому.

– Похоже, они не такие уж и слабаки, которые разбегаются в разные стороны, подобно кроликам, стоит им только почувствовать опасность, – сказал он себе. – Наверное, они из той

породы людей, которым следует покрепче прижать пальцы... Хусто! – позвал он своего помощника, все еще стоявшего у баркаса. – Хочу что-то сказать тебе!

Наедине, в комнате, когда-то бывшей салоном покойной Сеньи Флориды, которая умела предсказывать будущее по внутренностям акулы маррахо, он рассказал Хусто о своих страхах и твердо добавил:

– Нельзя им дать время очухаться. Нам нужно нанести им удар такой силы, чтобы они поняли, что мы намерены действовать серьезно...

– Что мы должны сделать?

– Дать им понять, кто здесь командует.

– Думаю, они это и так уже знают. Командуем здесь мы.

– Да, – согласился Дамиан Сентено. – Но они думают, что без оружия мы не что иное, как пустое место. И пока они так думают, они нам никогда не покорятся. Нужно показать им, что мы на самом деле сильны. С оружием или без него.

У Дамиана Сентено было время как следует разузнать об обычаях Плайя-Бланка, и он выбрал удачный момент между девятью вечера и полночью, когда в единственной таверне, превращавшейся иногда в казино, около десятка человек играли в карты или вели разговоры о событиях, произошедших в последнее время в поселке и потрясших местных жителей.

Дамиан Сентено со своими людьми неожиданно возник на пороге и тут же направился к стойке, грубо сколоченной из досок старых баркасов и толстых, принесенных прибоем к берегам Папагойо бревен, и потребовал лучшего вина из Уги и шесть стаканов.

Трактирщик Исидоро на несколько мгновений опешил. Пробежавшись взглядом по лицам завсегдатаев, которые прервали игру и теперь молча смотрели на чужаков, он хотел было отказать вошедшим, однако, сообразив, что этим самым он только ухудшит ситуацию, выставил стаканы на барную стойку и принялся наполнять их, разливая вино из одного из самых своих больших кувшинов.

– Всем добрый вечер!

Голос Дамиана Сентено прозвучал ясно и четко. Здороваясь, он повернулся в сторону присутствующих. Он опирался на стойку и демонстрировал людям, что под его распахнутой рубахой нет никакого оружия.

Пятеро головорезов последовали примеру своего предводителя, и даже самый тупой островитянин понимал, что, хоть они и пришли без оружия, намерения у них были самые что ни на есть серьезные.

Никто в ответ не произнес ни слова, но Дамиан Сентено и не нуждался в ответе, так как немедля добавил:

– Кто из вас Торано Абрео?

– Торано никогда не ходит в таверну, – ответил ему старый рыбак, чье лицо, казалось, было соткано из тысячи тончайших морщин. – Все свои деньги он потратил на баркас, который на днях поджег какой-то сукин сын.

Дамиан Сентено взял преподнесенный ему стакан и, осушив его одним глотком, тем же тоном задал вопрос:

– А есть здесь хоть один сукин сын, который осмелится утверждать, что это я или кто-то из моих людей поджег баркас? – Он сделал короткую паузу и добавил: – Если есть, пусть подойдет, и я ему размозжу голову. И если так думают два человека, пусть подойдут, и их ждет та же участь. И даже если их трое... Ибо каждого из нас и три человека не заставят проглотить свои зубы.

Рыбаки один за другим начали подниматься, отставляя в стороны столы и стулья, – они последовали примеру старого морщинистого рыбака. Кое-кто из них стал снимать рубахи, осторожно складывая их в одном из углов бара.

Затем островитяне, за исключением стариков, которые отошли к дверному проему и оттуда решили наблюдать за грядущей схваткой, начали наступать. Самым первым и самым решительным из них оказался сын дона Хулиана, более известный под прозвищем Гуанчито. Именно он нанес удар, от которого Хусто Гаррига ловко увернулся.

Минуту спустя драка стала всеобщей. Жители Плайя-Бланка превосходили чужаков по численности, однако последние были закаленными в многочисленных боях солдатами, привыкшими вести рукопашный бой. Все их движения были отработаны до совершенства.

Самым ловким из местных, без сомнения, был трактирщик Исидоро, с самого начала одним ударом – головой в нос – вырубивший так называемого Мильмуертеса. Однако Дамиан Сентено, наблюдавший за происходящим, встал перед Исидоро, легко увернулся от очередного мощного броска и, не дав противнику опомниться, одним точным ударом ноги в пах и хуком в нос уложил того на пол рядом с Мильмуертесом.

Драка была яростной, но протекала она в полной тишине, словно все понимали, что сейчас не стоит тратить силы на проклятия и стенания. Несмотря на глухие звуки ударов, треск мебели и звон разбившихся кувшинов, никто из прохожих, очутившихся неподалеку от бара, и представить себе не мог, что за его зеленой дверью разворачивается настоящая битва.

Драка заняла не более двенадцати минут, и под конец люди Дамиана Сентено лишь издевались над теми немногими островитянами, кто еще не валялся без сознания на полу. В конце концов были вынуждены вмешаться даже старики, не позволившие Хусто Гаррига и некоему галисийцу разорвать на части сына дона Хулиана, который до сих пор держался на ногах каким-то чудом. Он стоял, прислонившись спиной к стене, и лишь гордость не позволяла ему рухнуть под мощными ударами, которые наносили ему со всех сторон.

Когда он наконец свалился, Дамиан Сентено, кому в рукопашной схватке не было равных, окинул пристальным взглядом таверну и жестом приказал своим сообщникам поднять Мильмуертеса и цыгана, который то и дело падал, пытаясь встать на ноги. После чего он покинул таверну, чей пол был залит вином и кровью.

* * *

Примерно в то же самое время, около десяти часов вечера, баркас «Исла-де-Лобос» на всех парусах прошел к подветренному берегу, совершая длинные галсы и оставляя по правому борту луч маяка Печигера, а затем медленно приблизился к опасным банкам Тимафайа, по всей видимости, самого безлюдного места на земле.

В первый день сентября 1730 года зеленые долины и беленькие деревушки на юго-западе острова Лансароте стерло с лица земли самое страшное извержение вулкана, которое только могло сохраниться в памяти человечества. Оно продолжалось более шести лет, за это время натекло столько лавы, что она похоронила под собой десять селений и покрыла четвертую часть острова.

Тридцать девять новых вулканов присоединились к почти к тремстам уже существующим. Температура их была так высока, а клокочущая раскаленной лавой в их жерлах сила столь велика, что и два века спустя на Тимафайа оставались места, где достаточно было погрузить руку на несколько сантиметров в пепел или расщелину, чтобы тут же получить страшный ожог – температура здесь доходила до четырехсот градусов.

Немногие выжившие свидетели рассказывали о жестоком сражении, развернувшемся между раскаленной лавой и свирепым бушующим морем, когда в небо поднимались тучи обжигающего пара. В доказательство их слов осталось множество почерневших, обожженных камней, которые были отброшены вулканом в океан на сотни метров, однако, не сумев его победить, навсегда изуродовали береговую линию. С тех самых пор место это считалось недоб-

рым, и немногие рыбаки отваживались бросать здесь сети, хотя прибрежные воды и изобиловали рыбой.

Решение безлунной ночью, да еще и при беспокойном море, подойти к линии прибоя острова Тимафайа являлось по-настоящему рискованным, и Абелая Пердомо пришлось призвать на помощь всю свою ловкость, смекалку и знания, чтобы в каких-то ста метрах от маленькой бухточки с черным песком спустить на воду крошечный плотик, на который тут же запрыгнул Асдрубаль.

Затем Абелай положил баркас в дрейф, и только тогда, когда находился уже в двух милях от берега, развернул его на сто восемьдесят градусов, взяв курс на северный мыс острова, так, чтобы к трем часам утра «Исла-де-Лобос» мог войти в спокойные воды Рио – узкого морского рукава, который отделял высокие утесы острова Фамара от вечно печального Ла-Грасиоса, единственное селение которого в это время тонуло во мраке. Но Абелай Пердомо не нуждался в свете, так как мог плыть, ориентируясь по отблескам далекого маяка Алегранса да по темному, вырисовывающемуся на фоне неба силуэту, образуемому высокими скалами восточного берега.

Ветер зло засвистел в вантах, когда баркас, опасно накренясь, буквально несся по спокойным водам Рио. Какой-нибудь полуночник-рыбак с Ла-Грасиоса, решивший забросить свои сети, решил бы, что видит перед собой паруса Летучего голландца, неприкаянного духа, мчащегося мимо грозных утесов острова прямо в преисподнюю.

Айза Пердомо сидела на корточках на носу баркаса, а рядом, по-прежнему безмолвный, устроился ее дед. Она, притихнув, смотрела на море и на мерцающие звезды, то появляющиеся из-за туч, то пропадающие за гигантскими отвесными скалами. По мере того как баркас приближался к цели, в ее душе разрасталась тоска, ибо с каждой минутой она все яснее осознавала, что теперь уже не скоро увидит тех, кого так любила.

Даже отсутствие Асдрубала, прятавшегося по другую сторону пролива Бокайна, она переносила с трудом. Теперь же ей было страшно представить, как она станет просыпаться по утрам, не слыша привычной возни матери на кухне, не ощущая запахов родного дома, лишившись возможности выглянуть за дверь и увидеть море, откуда так часто возвращался баркас ее отца.

Она вспомнила Руфо Гера, человека замкнутого и одинокого, все время проводившего с книгами. Обычно он устраивался на берегу, прислонившись спиной к борту перевернутой старой шаланды, и до вечера погружался в чтение. Частенько он просил Аурелию Пердомо, которую уважал за энциклопедические знания, объяснить ему особо сложные места, которые он не в силах был понять.

Таким образом он скорее мог считаться другом Аурелии, чем Абелая, однако к старшему в семье Пердомо он питал особую симпатию и был предан ему всей душой, ибо однажды, когда оба они были еще очень молоды, Абелай Пердомо в одну из безлунных ночей помог четыре часа продержаться на плаву его единственному брату, когда один из пароходов разломил надвое баркас, на котором они рыбачили.

Восемь лет назад, когда умерла одна из тетушек Руфо Гера и оставила ему в наследство свои земельные участки и дом в Арии, он решил, что и так уже потратил слишком много лет на бесплодную борьбу с морем и теперь наступил момент обрести покой. Для него это означало устроиться поудобнее с хорошей книгой в тени раскидистой пальмы, потому что «лук и помидоры растут сами по себе, а тебе уже не нужно день-деньской насаживать наживку на крючки».

Тем не менее каждые два или три месяца он спускался в селение, чтобы провести неделю в местах, где родился. Он приходил с худющей верблюдицей, нагруженной до предела продуктами, и почти всегда останавливался в доме Пердомо Марадентро, потому что там он всегда мог обратиться к Аурелии за помощью и советом.

Айза знала, что Руфо Гера был одним из тех немногих людей, которые ненавидят море, однако в их компании все равно можно было чувствовать себя свободно. Каждый раз, видя

его, она вспоминала о том единственном дне, когда оказалась у него в гостях, в окруженном пальмами доме, примостившемся на склоне скалы. Оттуда не было видно моря. Для нее же море всегда было неотъемлемой частью того, что она считала настоящей жизнью. Оно было для нее не менее важно, чем родители и братья.

Когда она думала о вещах, которые любила, в сердце ее рождалась страсть, когда же вспоминала о том, что ее теперь вынуждают все это оставить, душу ее захлестывала тоска, которая становилась все сильнее и сильнее по мере того, как низкий берег острова Ла-Грасиоса уходил назад, а форштевень баркаса неумолимо приближался к бухте.

Впрочем, о Ла-Грасиоса она хранила одно из самых прекрасных своих воспоминаний. Когда ей исполнилось десять лет, вся семья взошла на баркас, чтобы провести пять дней на якоре с подветренной стороны острова, принимая участие в последних приготовлениях к свадьбе самого лучшего друга Асдрубаля и Себастьяна.

Юноша, которому не исполнилось и двадцати лет, уже три года строил дом, в котором ему предстояло жить со своей юной женой, на острове же существовала традиция, согласно которой все жители помогали молодой паре обустроить семейный очаг в те дни, когда море было особенно несговорчивым.

На Ла-Грасиоса, который на архипелаге называли Островом Добрых Обычаев, все делалось сообща, начиная от строительства дома, подготовки баркасов и заботы о больных и заканчивая поддержанием чистоты в поселке и его благоустройством. Айзе особенно запомнилось то, что также произвело неизгладимое впечатление на ее мать, когда она присутствовала на церемонии *репарто*, проходившей в те дни.

В течение года команда каждого баркаса отдавала одной из местных старушек выручку – почти всегда одними монетами дуру – от продажи рыбы, и добрая женщина обязывалась хранить ее, пряча в тяжелый деревянный сундук.

После завершения путины, как всегда накануне крещений и свадеб, команды рыболовов рассаживались на песке вокруг старушек, и те, не торопясь, клали по одной монете перед каждым мужчиной, и так до тех пор, пока годовая выручка не закончится. Изредка они добавляли небольшую горстку тому рыбаку, которому необходимо было отремонтировать свой баркас, однако всегда откладывали на нужды больных, горстку монет отдавали соседям, которые по той или иной причине не могли выйти в море в этом году, и, наконец, последняя горстка предназначалась для вдов и сирот.

Аурелии Пердомо этот обычай показался самым прекрасных из всех, что она знала, ибо он указывал на необычайно тесные узы дружбы, связывавшие всех жителей острова. В течение многих недель она внушала своим детям и всем, кто мог ее слышать, что если бы весь мир последовал примеру рыбаков с Ла-Грасиоса, то большей части проблем попросту бы не существовало. Айзе же в ее десять лет в те дни интереснее всего было побегать с местными ребятами по просторному пляжу Плайя-де-лас-Кончас, понырять в незнакомых, богатых рыбой заводях пролива и до отвала наесться пирожных, арбузов и сушеного инжира, которые подавали на одном из самых веселых праздников, которые она когда-либо видела в своей жизни.

По ночам она укладывалась спать на палубе, любясь теми же самыми звездами, которые сейчас покачивались у верхушек мачт, представляя, как в один из дней она тоже выйдет замуж за одного из людей моря и нарядится в такое же красивое платье, а ее братья с гитарами и колокольчиками будут развлекать гостей.

И все было бы именно так, окажись она такой же простой и скромной девушкой, как та невеста, которая прекрасно подходила рыбаку с Ла-Грасиоса. Но она из маленькой девочки превратилась в красавицу, на которую нельзя было не обратить внимания.

Из раздумий ее вывел голос отца, приказавшего спустить паруса, и она бросилась на помощь брату точно так же, как это делала тогда, когда была еще совсем маленькой девчушкой, путавшейся в тросах и ногах взрослых.

Как только баркас оказался перед единственным огоньком, тускло мерцавшем в одном из окон полудюжины хибар Осолы, Себастьян бросил якорь, затем уложил фоки, и «Исла-де-Лобос» встал на рейде, защищенный скалистыми выступами узенькой бухточки, в глубине которой находилось некое подобие порта.

– Проводи свою сестру к Руфо Гера и постарайся, чтобы вас никто не видел, – велел Абелай Пердомо. – Затем ступай прямо к дому.

– А баркас?

– Смогу и сам управиться. Выйду в открытое море и с попутным ветром, не торопясь, вернусь в Плайа-Бланка. – Он нежно поцеловал дочь в лоб. – Постарайся сделать так, чтобы никто не узнал, где ты находишься, – попросил он. – У Матиаса Кинтеро большие связи, да и люди на материке совсем не такие, как мы. – Он минуту помолчал, а затем хриплым голосом, в котором явственно слышалось волнение, произнес: – Помни, если ты попадешься, нас не будет рядом с тобой, и мы уже не сумеем тебя защитить. Ты меня поняла?

– Не беспокойся... – Она ласково погладила отца по небритой щеке. – Обо мне не волнуйтесь, позаботьтесь о себе.

Себастьян разделся, аккуратно положил одежду и ботинки на большой кусок пробкового дерева, соскользнул в воду, поплыл по спокойной бухте и вскоре уже вышел на берег. Айза последовала его примеру. Абелай Пердомо отгреб на несколько метров и начал выбирать длинный конец, стараясь не глядеть на обнаженное тело дочери, которое поражало своей красотой даже в неверном свете звезд.

Десятью минутами позже, когда Абелай убедился, что дети начали подниматься по извилистей тропе, едва заметной на черной лаве, покрытой лишайником и жухлой травой – постоянными обитателями Проклятой страны вулкана Корона, – он поставил фоки, взял лево руля и одним рывком, словно игрушку, поднял якорь.

Когда борт баркаса «Исла-де-Лобос» прошел буквально в трех метрах от последнего утеса северовосточного мыса, Абелай Пердомо взял курс на восток, закрепил руль и, приложив всю свою геркулесову силу, одним махом поднял главный парус.

Когда наконец он окончательно закрепил его, баркас рванул вперед, набирая скорость, и его форштевень начал мурлыкать словно кот, по мере того как лодка рассекала спокойные воды с подветренной стороны острова.

– Он находится на Лансароте.

– И это все, что тебе до сих пор удалось узнать? Что он находится на Лансароте?

– Послушайте, дон Матиас, – попытался защититься Дамиан Сентено, – когда я только приехал, все местные, как один, пытались уверить меня в том, что парень находится далеко. На какое-то время я даже поверил их рассказам, полагая, что Цивильная гвардия здесь все как следует обыскала. Однако потом я пришел к выводу, что никто как следует не порыскал на острове. Возможно, речь идет о самой негостеприимной земле на свете, но нужно помнить, что там достаточно укромных мест, где можно хорошенько спрятаться.

– Ты имеешь ввиду Тимафайа?

– Да, я говорю об этой адской земле Тимафайа, обо всех этих пещерах, пляжах, соседних островках и даже жилых домах. Здесь большинство домов находятся далеко друг от друга, и люди живут изолированно. Их разделяют не только стены, но еще и обычаи. Можно прочесать Лансароте от края и до края и не встретить ни одной живой души. Этот остров словно населен призраками, а поля будто обрабатываются сами по себе.

– Крестьяне встают очень рано и, как только начинается жара, возвращаются в свои дома, где сидят до наступления вечера. Здесь, за исключением времени сева и уборки урожая, они лишь подправляют стены, защищающие посевы от ветра, да выпалывают сорняки. Так как здесь нет воды, то и поливать нечего. Здесь им помогает роса.

– Я уже это понял. А также понял, что достаточно кому-либо спрятать своего сына, как любые поиски становятся безуспешными.

– Если бы речь шла о простом деле, я бы тебя не позвал, – сухо произнес дон Матиас. – Ни тебя, ни твоих людей. Я не хочу объяснений. Я хочу лишь побывать на похоронах Асдрубаль Пердомо... – Он сделал длинную паузу, а потом посмотрел на Сентено таким тяжелым взглядом, что тот поежился. – Более того, мне доставит ни с чем не сравнимое удовольствие, если ты приведешь мне его живым. Тогда я бы сам пристрелил его, закопал в саду и каждый день мочился бы на его могилу. Так скажи – когда же это произойдет?

– Я уверен в том, что все будет именно так, я просто не могу сказать, когда именно это случится, – ответил Дамиан Сентено. – Девушка тоже исчезла, однако думаю, что спрячутся они порознь.

Старик ничего не ответил. Он встал, высунулся в окно и, казалось, залюбовался своими виноградниками, потом наконец он подошел к старому камину – его дом был одним из немногих на Лансароте, который мог бы похвастаться подобной роскошью, – и взял с полки фотографию сына:

– Мне все еще кажется, что он может вернуться домой. Я вскину взгляд – и увижу, что он стоит на пороге. Потом он попросит у меня несколько дура, чтобы пойти на паранду... Я просыпаюсь по ночам, представляя, что это он стучит в дверь, а оказывается, это всего лишь ветер гудит в лозах. Ты знаешь, я целыми днями плачу от бессилия и гнева. И как до сих пор Бог не наказал человека, совершившего подобное преступление. Это то, чего я никак не могу понять, однако надеюсь, что спрошу Его, когда предстану перед Ним на том свете! Я потерял три года жизни, рискуя собственной шкурой, чтобы защитить Христа, а Господь не потратил и минуты, дабы защитить моего сына. И мне кажется, что это чертовски несправедливо! Да, несправедливо! Когда наступит время, я буду вынужден потребовать у Него объяснений.

Дамиан Сентено все это время молча смотрел на своего патрона, а потом налил себе еще одну рюмку сладкой домашней мальвазии, которую Рохелия оставила на столе рядом с подносом с галетами и бисквитами. Сержант пришел к выводу, что нужно поспешить, иначе он рискует в итоге остаться ни с чем. Похоже, его бывший командир был уже изрядно не в себе, и не случится ли так, что к тому времени, когда он доведет дело до конца, дон Матиас окончательно съедет с катушек и его завещание будет признано недействительным? Одиночество, злоба и бессилие превратили его в охваченного бешеным зверем, в старого, потерявшего разум шизофреника, который раньше срока рискует сойти в могилу.

– Вам бы следовало выходить время от времени, – осмелился дать совет Дамиан Сентено, когда заметил, что дон Матиас снова погрузился в свои мысли, невидящими глазами глядя на фотографию сына. – Постарайтесь отвлечься, снова сходите в казино, сыграйте партейку-другую или пригласите в гости друзей. Вы только себе хуже делаете, продолжая так убиваться.

– Я в советах не нуждаюсь, Дамиан. Мне нужен Асдрубаль Пердомо, мертвый, вот и все, – огрызнулся дон Матиас, даже не взглянув на собеседника. – Мертвый, Дамиан, мертвый... Ты понял? Один-единственный мертвый человек! – На сей раз он повернул голову, и глаза его жутко сверкнули. – Ну чего тебе стоит убить одного-единственного человека? Он всего лишь присоединится к сотням покойников, которых ты уже отправил на тот свет! Что происходит? Неужели ты постарел?

– Вы же знаете, что нет, – возразил Сентено. – Дело в том, что на этом проклятом острове дела складываются совсем не так, как на материке, да и времена уже другие. Тогда я только вам должен был давать объяснения...

– Теперь ничего не изменилось. Ты по-прежнему должен давать объяснения только мне.

– Вы ошибаетесь, дон Матиас. Я говорю так, потому что провел четыре года жизни в заточении, а это очень тяжело, поверьте мне. Я убью этого парня для вас, однако хочу обставить все так, чтобы не провести потом остаток жизни в тюрьме.

– Ты ведь знаешь, что я, как и раньше, стою за твоей спиной.

– Знаю, и благодарен вам за это. Однако, каких бы иллюзий мы ни питали, следует понимать, что та протекция, которую вы можете мне составить, совсем не та, какую вы могли мне предоставить во время войны. Хотим мы этого или нет, но с той поры прошло уже десять лет, и годы эти многое изменили.

– Я это уже понял.

– Только не смейтесь надо мной. – Голос бывшего легионера зазвучал недовольно и немного капризно, что, естественно, не могло остаться незамеченным для капитана. – В Терсио я понял одну вещь: тот, у кого первого сдают нервы, совершает фатальную ошибку. Вам должно быть известно: дело до конца можно довести только при одном условии – я сумею сохранить спокойствие. На это я всегда рассчитывал – и теперь не стану менять своих убеждений.

– Все это было бы очень хорошо, если бы я видел результаты. Чего тебе удалось добиться?

– Того, что они боятся. Еще больше они станут бояться, когда поймут, что дни проходят, а водовоз не появляется. – Он слегка усмехнулся. – Засуха затяжная, баки пусты, а времена, когда на Плайя-Бланка воду верблюды доставляли в бурдюках, давно прошли. Сейчас жителей снабжает водой водовоз, а я сделал так, что он не появится.

– Надеешься, что это даст результат?

– Нет ничего хуже жажды, уж будьте уверены. Я три года служил в Сахаре – и очень хорошо знаю, что это такое. То, что человек откажется сделать даже за миллион, он сделает за глоток воды, стоит ему лишь испытать настоящую жажду.

Дон Матиас ответил не сразу. Он снова подошел к окну, открыл его настежь и глубоко вдохнул воздух, насыщенный ароматом спелого инжира, долетавшего сюда из сада. Ночь уже опустилась на остров, размазывая очертания предметов, превратив землю в сгусток ароматов и звуков. В такие моменты старик становился другим. Казалось, что наступление темноты успокаивало его ярость или, быть может, распалило только сильнее, однако в такое время внешне он становился более спокойным.

– Не знаю, одобрю ли я или нет то, что ты делаешь, – заметил он наконец, не переставая вглядываться в темноту. – И по душе ли мне мысль, что эти люди станут ненавидеть меня или, что еще хуже, моего сына... Считаешь, что действительно другого выхода не существует?

– Нет, и вспомните о том, что произошло на месте убийства. Это они своим молчанием поддержали убийцу.

– А если они действительно не знают, где он скрывается?

– Они будут вынуждены узнать это, потому что Пердомо сами никогда не раскроют секрет. Они будут молчать даже тогда, когда их будут резать на части.

Послышался настойчивый стук в дверь, и тут же на пороге появилась высокая фигура Рохелии Ель-Гирре, которая, не сводя взгляда с Дамиана Сентено, спросила своим хриплым голосом:

– Останетесь ужинать?

– Нет, спасибо. Меня ждут в Арресифе. Скажите мне, Рохелия, вы знаете этот остров до последнего камня. Кому хорошо известен Монтаньяс-де-Фуего?

– Тимафайа? Никто не отважится соваться в это проклятое бесплодное место. Хотя есть один пастух из Тинахо. Он коз пасет. Его зовут Педро Печальный. Он часто ходит туда охотиться на кроликов и куропаток. Думаете, что этот выродок прячется там?

Дамиан Сентено ответил не раздумывая:

– Если бы я был на его месте, то спрятался бы там.

– В таком случае возвращайтесь домой, – более чем уверенно заявила женщина. – Даже целому Легиону, вооруженному до зубов, не вытащить из пещер Тимафайа человека, если он не захочет оттуда выходить. Искать там убийцу все равно что искать муравья в пшеничном бурте.

– Но должен же быть какой-то способ.

– Мне известен один...

– Какой?

– Его мать... Если она будет в ваших руках, то рано или поздно Асдрубаль Пердомо сдастся.

Дамиан Сентено кинул на Рохелию Ель-Гирре холодный взгляд, удивившись в душе, что именно женщина предложила подобный метод решения проблемы.

– Я об этом как-то не подумал, – признался он нехотя. – Но если дело дойдет до Цивильной гвардии и она решит вмешаться, я могу оказаться на виселице. Там шутить не станут, если речь пойдет о похищении.

– Боишься?

Сентено повернулся в сторону старика, задавшего вопрос.

– А вы нет? – в свою очередь задал он вопрос. – Одно дело смерть, к которой я давно привык, ибо избрал ее своей профессией, а другое дело виселица. И если меня схватят, то полагаю, что вскоре и вы ко мне присоединитесь. Помните Диего Вассалло? Он одним махом заработал «Лавровый Венок» в бою под Таурелем, а его отец был влиятельным фалангистом. Однако, когда он изнасиловал и убил ту грязную лесбиянку из Альмерии, Старик недолго думая подписал смертный приговор, и сделали так, что язык Вассалло повис до пояса. Я навещал его в тюрьме. Он был типом отчаянным, готовым сыграть в «русскую рулетку» с закрытыми глазами, однако одна мысль о том, что он окончит свои дни на виселице, превратила его в труса, постоянно накладывающего в штаны. Ну как! Виселица – не смерть для настоящего мужчины. – Он повернулся в сторону Рохелии: – Где я могу найти Педро Печального?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.